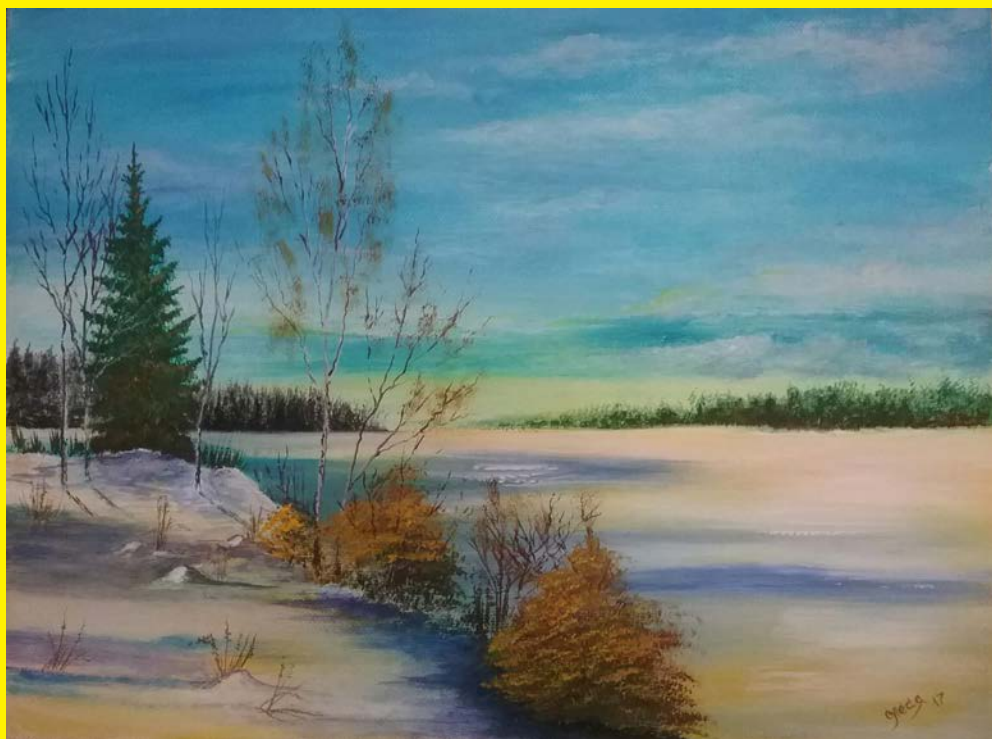


Литкультпривет!



Литературно-художественный журнал



Весна близко Худ. Олеся Кищенко

4 (126)

апрель 2023 г.

Ежемесячный журнальный выпуск Литкультпривет!

Основан 30 октября 2012 г.

п.г.т. Нижний Ингаш

Апрель №4 (126) 2023 г.

Юбилейный календарь

200 Александр ОСТРОВСКИЙ

Александр Николаевич Островский - русский драматург, которого принято считать величайшим представителем русского реалистического периода.

Автор 47 оригинальных пьес, Островский «почти в одиночку создал русский национальный репертуар».

Его драмы являются одними из самых читаемых и часто исполняемых сценических произведений в России.



140 Демьян БЕДНЫЙ

Ефим Алексеевич Придворов (1883-1945) — так на самом деле звали Демьяна Бедного — смолоду искал правду-матку и шел на огонь просвещения. Шел, пытаясь утвердить свое литературное дарование. Крестьянский сын, он стал не только одним из первых поэтов Советской России, но и наиболее темпераментным из многих ниспровергателей старой культуры



120 Софья МОГИЛЁВСКАЯ

Софья Абрамовна Могилевская — русская советская писательница, которая около 50 лет посвятила детской литературе, автор познавательных книг, рассказов, сказок, повестей для детей и юношества «Девочки, книга для вас», «Марка страны Гонделупы», «Виолончель Санта Тереза», «Восемь голубых дорожек», «Крепостные королевны», «Театр на Арбатской площади», «Мой папа – волшебник» и др.



В НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Балтин
Апрельские таланты.....3

Алла Новикова-Строганова
“Я ещё живу” Памяти Достоевского....7

ПОЭЗИЯ

Евгений Степанов
Преодоление. Стихи.....10

Сергей Прохоров
Лучше на гусях. Стихи.....12

Николай Ерёмин
Сонеты.....14

Екатерина Громова
Стихи.....17

ПРОЗА

Юрий Александров
Кандидат из нашего двора.....19

Ирина Катова
Исповедь эмигранта.....23

Евгений Татарников
День дурака.....29

ПРОБА ПЕРА

Александра Дымовских
Две подруги.....31

Яна Ларионова
Освобождение города.....34

ЛИТМНЕНИЕ

Александр Балтин
Поэтическое обозрение.....38

Редактор **Сергей Прохоров**
Красноярский край,
Нижний Ингаш.

**Александр
БАЛТИН**

Москва



Александр БАЛТИН - член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5-ти томах), и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

АПРЕЛЬСКИЕ ТАЛАНТЫ

К 200-ЛЕТИЮ А. ОСТРОВСКОГО

Никакой человек с забавной фамилией, превращаясь в персонажа пьесы, становится метафизическим символом пустой и пошлой мечтательности: однако, вдруг, по закону неведомых обстоятельств, получающий то, чего, казалось бы, не заслуживал...

Бальзаминов женился-таки на богатой, вырвался из опротивевшей бедности, вот только... будет ли жизнь его раем – с Домной-то Евстигнеевой?

Вряд ли...

Островский выступает, как метафизик человеческих характеров, исследуя их в разных ситуациях, рассматривая с разных ракурсов; сам знавший жизнь разнообразно, до прожилок показывает её – через речь, в которую рождается в не меньшей степени, нежели в физиологию – сгущённо, во всей пестроте вечно текущей плазмы...

Обманет ли Дульчин?

Непременно, ведь не зря же его фамилия сочетает итальянскую сладость и русскую дулю: кукиш то бишь...

Фамилии говорят за персонажей: Глумов будет глумиться над предложенным ему вариантом мира, где чистота и искренность подвергаются поруганию, где расчёт и деньги остаются главными.

...ничего не изменилось – в этом смысле: несмотря на многожды изменившийся, круто и непостижимо антураж.

Сильный и трагический излом: Катерина: сплошная молния плоти, да... ударить ей некуда – кислая, толстая, денежная реальность вокруг любой огонь погасит.

Паратов, отдающий парадом: всё показное: и роскошь, и шум жизни, - так напоминает нуворишей наших девяностых, как, впрочем и Кнуров – незабвенный МокийПармёныч, сделавший колоссальное состояние в наши дни...

Да нет же, в те дни, что давно смыло лентами истории, но происхождение громадных состояний так похоже...

Огрызок человека-карандаса Карандышев так хочет выписать себе кусочек счастья, так борется за эту надпись...

Крошечный человек совершает трагическое преступление, словно превращаясь в жестокого мстителя: всем, кто обижал...

Накал человеческий, вольфрамова дуга страсти в персонажах Островского – подобен игрокам Достоевского: метафизическим игрокам: всем, кто участвует в жизни, в её действе, столь театральном, настолько далёком от такого...

Интересно – как выглядели бы романы Островского?

Как бы он моделировал пейзаж, строил описания?

Но – театр пришёлся ему идеально: суммами реплик персонажи выстраивались так, что никакие словесные пласты иного плана не требовались.

Реальность плотна.

Она пестра и избыточна: тщеславьем, поиском богатых вдовушек, стремлением обогнать соседа, жадной наживы, неистовством разгула: безобразно-купеческого, столь известного Островскому; жизнь

избыточна, и показывать её можно только так: вибрирующей и гудящей, напряжённой стальными нервами страстей, настоящей, что не закончится никогда, живя в сотнях персонажей, расплёсканная по ним неистовым гением человекознатца Островского.

К 90-ЛЕТИЮ Б. СТРУГАЦКОГО

Особняком стоящая в мире Стругацких повесть «Понедельник начинается в субботу» лучится остроумием, словесной и смысловой игрой, и множественностью того, что запоминается легко, входит в жизнь читателя навсегда.

И образы, данные в романе, отдают вечностью – один профессор Выбегалло чего стоит!

Вечный халтурщик, ловец выгод, пустобрёх, спекулянт на якобы научной материи...

Но – это именно исключение в пантеоне, созданным Стругацкими: метафизическими фантастами, использовавшими своеобразное реалистическое письмо: рассказывается о необычайном, но так, будто оно существует в реальности, есть среди нас...

«Трудно быть богом» - на планете с гуманоидной цивилизацией, где земные, специально подготовленные агенты внедрены в системы тамошней жизни: ради переустройства оной.

Они кажутся неразделимыми – братья Стругацкие: тем не менее юбилей у Бориса...

Он родился в Ленинграде, в интеллигентной семье, и житьё в коммуналке, вероятно, наложило некоторый отпечаток на мировосприятие: впрочем, не обязательно тёмный.

Он был профессиональным астрономом: окончил математико-механический факультет ЛГУ: возможно, это влияло на литературное творчество: мир звёзд, небесных пластов, огромных пространств фантастичен сам по себе.

...впрочем, книги Стругацких быстро обретают популярность, братья уходят в литературную деятельность полностью, выдавая роман за романом.

Аудитория ждёт.

Как пройдёт «Пикник на обочине»?

Тайны будут разгаданы, или нет?

Мистическая зона, впуская в себя, сулит нечто невероятное – в плане получения, если достигнешь определённых пределов, следуя за сталкером; но метафизика человеческих желаний просвечивается лучами неизбывного интереса к феномену человека...

Они пишут вместе.

Аркадий умирает раньше.

Самый известный псевдоним Бориса – С. Витицкий, именно под ним вышли романы «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» и «Бессильные мира сего».

...мысль, преследующая героя постоянно, формулируется, наконец, в беседе с другом: на протяжении жизни судьба оберегала многократно, спасая от опасностей, и механизм этой работы крайне интересен.

Подлежит ли постижению?

Культурные и литературные аллюзии переполняют сложный, исполненный философского звучания роман; но и конкретика брежневских времён разворачивается живо, колоритно.

Теоремы этики, доказанные Спинозой, не помогают Красногорову определить своё предназначение и найти точные формулы судьбы.

Как в словесной мозаике романа «Бессильные мира сего» мешается многое: и способность влиять на настроения масс вполне сочетается с разочарованием от неправильного развития социума.

Два романа, выпущенных без брата: хотя тень его, казалось, витает рядом...

Они неразрывны – Аркадий и Борис Стругацкие, тем не менее – сегодня юбилей у Бориса.

К 115-ЛЕТИЮ И. ЕФРЕМОВА

Восстановленный пласт «Таис Афинской»: роскошный Македонец, избыточность деталей, преподнесённая языком современным – так, будто время то приближено к настоящему...

Читался Ефремов феноменально: захватывающе, увлекал, было не оторваться, реальность уходила на второй план...

...персидский Персеполис, охваченный рыжим огнём, запущенным Таис; философские размышления,

чередующиеся с динамикой повествования; неистово рассекающий мир Александр...

Ефремов долго и тщательно, с кропотливостью учёного изучал все доступные материалы, и, сам пропитавшись далёким духом, словно передавал его читателям...

Он и подходил к романам, как учёный: перед написанием «Туманности Андромеды» долго выстраивал своеобразную систему деталей, что должны были, вкупе с мыслями, организовать грядущий текст.

Он верил в коммунистическую идею.

Он дал свой образ будущего коммунизма, разработанным детально, сочетая философию, фантастику, футурологию, взаимоотношения людей будущего...

Туманность оказалась недостижимой, биология и физиология людей противоречат утопии: а не биологом, ни физиологом Ефремов не был.

Он был палеонтологом, под его руководством проходили экспедиции, в пустыне Гоби открыли ископаемые остатки динозавров, составившие золотой фонд московского Палеонтологического музея.

Эксперимент «Лезвия бритвы» заключался в попытке вывести корень квадратный психологической сущности человека, дабы заложить фундамент для воспитания людей коммунистического завтра, которое, как известно, не настало.

Тем не менее, линии романа плетутся искусно, и с не меньшим мастерством вплетаются в оные рассуждения...

Час быка – конец двадцатого века – Ефремов считал одной из худших эпох в развитие человечества: до финала его он не дождался, предоставив потомкам судить о своей правоте, или заблуждение.

Также, как и о книгах его: и сегодня горящих огнями мудрости и литературного мастерства.

К 95-ЛЕТИЮ В. БЕРЕСТОВА

Добрый волшебник из детской сказки – так воспринимался В. Берестов по телепрограммам, которые вёл.

Звонкая лёгкость и нежная мелодия детских стихов точно расходились в пространстве чудесными вибрациями, помогая росту детишек:

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай ещё страницу».
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять
И почитать!

Он касался всех тем, что сопровождают рост ребёнка: игры, слёзы, игрушки, забавы – всё мешалось в калейдоскопе предложенных им стихов, овеянных нежным юмором.

Поэзия была поучительна – без дидактики.

Она была сверкающей: в ней просто и славно раскрывалась природа, играли собаки, пролетали бабочки.

Было и взрослому хорошо войти в словесный, прозрачный пантеон детской поэзии, созданной Берестовым.

...его взрослая поэзия обладала одним из благородных свойств детской: ясностью, сколь бы ни сложны и мучительны не были темы, поднимаемые им:

В своём роду, кого ты ни спроси,
Идя от колыбели в ногу с веком,
Он со времён крещения Руси
Стал первым некрещёным человеком.

Он это чуть не доблестью считал.
Да жаль, что бабок спрашивать не стал.
А к бабушкам он относился строго:
«Вот тёмные какие! Верят в Бога!»

И лишь под старость обнаружил он,
Что тайно был старушками крещён
И что от колыбели был храним
Он ангелом невидимым своим.

Мир веры: что может быть сложнее, но и естественнее для человека?

И вот, стихотворение, играя, но предельно всерьёз, проходит ступенями, которые позволяют уяснить нечто, сопоставляя с собственным опытом, ища параллели.

Впрочем, и во взрослой поэзии своей Берестов оставался во многом... детским поэтом: раздавая подарки строчками, лёгкими и напевными, нагружёнными значительным содержанием:

Костёр догорает, пора на покой.
Созвездия светятся ярко.
И вдруг из песков за сухою рекой
Залаяла глухо овчарка.
И слушая лай охранявшей стада
Свирепой туркменской овчарки,
Мы спали, как дома, как в детстве, когда
Кладут под подушку подарки.

Подарки сверкали ярко...

Драгоценности, не прятались в строчках: они были открыты всем, и шли ко всем – ведь когда-то аудитория поэзии была огромной...

Она сужалась потом, сужалась...

Но – не сужалась поэзия Берестова: широкая, идущая от щедрого сердца, и отправленная в такие дали, о которых мы не представляем пока.

Алла
НОВИКОВА-
СТРОГАНОВА

Москва



*Алла Анатольевна
Новикова-Строганова -
доктор филологических
наук, профессор,
член Союза писателей
России (Москва),
историк литературы*

«Я ЕЩЁ ЖИВУ...»

(памяти Ф. М. Достоевского)

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) – гениальный русский писатель, классик мировой литературы – главную цель своей художественной работы видел в том, чтобы «при полном реализме найти человека в человеке». В письме от 16 августа 1839 года к брату юный Достоевский уже осознал: «Человек есть тайна. Её надо разгадывать, и ежели будешь разгадывать её всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» .

Осмысление тайны, «ключи которой у Творца», – сердцевина идейно-художественной системы писателя, которая в целом слагалась на фундаменте его глубоко религиозного мировоззрения.

Неоценимую роль для формирования сознания Достоевского сыграли в его жизни уголовный процесс по политическому делу об участии писателя в социалистическом кружке Петрашевского, пребывание под следствием в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, приговор к расстрелу и обряд смертной казни, заменённой за три минуты до исполнения каторгой и ссылкой .

Полную инсценировку казни, устроенную по приказу царя, Достоевский описал брату из каземата Петропавловской крепости в тот же день, 22 декабря 1849 года: «Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семёновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его император-ское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры» (15, 81).

Пережитое состояние приговорённого к смерти наложило отпечаток на всю дальней-шую личную и творческую биографию писателя, его религиозно-нравственную, философскую, социально-правовую позицию, в которой ведущее место заняли проблемы жизни и смерти, преступления и наказания, ценности бытия, стремление увидеть мир свободным от зла, общество – освобождённым от произвола и насилия.

Прошло почти двадцать лет после обряда казни, прежде чем Достоевский нашёл в себе внутренние силы для художественного выражения и осмысления происшедшего. В романе «Идиот» (1868) сцены, где главный герой князь Мышкин, которого в подготовительных материалах к роману автор называл «князь Христос», делится своими впечатлениями от увиденной во Франции смертной казни на гильотине, носят характер уникального документа. В этих строках – собственный опыт и последующие раздумья над проблемой самого Достоевского: «Человека кладут, и падает этакий широкий нож, по машине, гильотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочит так, что и глазом не успеешь мигнуть. Приготовления тяжелы. Вот когда объявляют приговор, снаряжают, вяжут, на эшафот взводят,

вот тут ужасно! <...> Разве это возможно? Разве не ужас? <...> Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог её доводят? Надругательство над душой, больше ничего!» (6, 23)

Надругательство над душой, «безобразное, ненужное, напрасное» (6, 24) – изошрённая психологическая пытка, которую устроили каратели-палачи противникам своего режима, представлена писателем во всех мучительных подробностях: «А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно <...> Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное?» (6, 24) Достоевский горячо убеждён: «Нет, с человеком так нельзя поступать!» (6, 24)

В монологе князя Мышкина писатель аргументирует и отстаивает свою позицию: «Знаете ли, что это не моя фантазия, а что многие так говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу мое мнение. Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу, или как-нибудь, непременно ещё надеется, что спасётся, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он ещё надеется, или бежит, или просит. А тут всю эту последнюю надежду, с которой умирать в десять раз легче, отнимают наверно; тут приговор, и в том, что наверно не избежешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он ещё всё будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор наверно, и он с ума сойдёт или заплачет» (6, 24).

«В горячих словах “Идиота”, – писал о Достоевском его современник, известный адвокат А.Ф. Кони, – он осудил смертную казнь как нечто, еще более жестокое, чем преступление», следуя евангельской заповеди «не убий».

Устами князя Мышкина Достоевский говорит о себе самом: «Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: “Ступай, тебя прощают”. Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил» (6, 24).

Далее в изложении героя Достоевский передаёт автобиографически выстраданные свидетельства об оглашении смертного приговора, ожидании казни, о приготовлениях к ней и внезапно объявленном помиловании в новом приговоре к ссылке на каторжные работы: «Но я вам лучше расскажу про другую мою встречу прошлого года с одним человеком. Тут одно обстоятельство очень странное было, – странное тем, собственно, что случай такой очень редко бывает. Этот человек был раз взведён, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрёт» (6, 62–63).

Все детали и подробности навсегда отпечатались в памяти Достоевского: «Он помнил всё с необыкновенною ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет. Шагах в двадцати от эшафота, около которого стоял народ и солдаты, были врыты три столба, так как преступников было несколько человек. Трех первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей; затем против каждого столба выстроилась команда из нескольких человек солдат. Мой знакомый стоял восьмым по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь. Священник обошёл всех с крестом» (6, 63).

Поразительно, насколько возрастает острота восприятия человеком времени на грани жизни и смерти. Время делится уже не только на привычные отрезки: часы, минуты, секунды. Сознанием воспринимаются как величайшая ценность и «четверть секунды», и «самое последнее мгновение»: «Странно, что редко в эти самые последние секунды в обморок падают! Напротив, голова ужасно живёт и работает, должно быть, сильно, сильно, сильно, как машина в ходу; я воображаю, так и стучат разные мысли <...> а между тем всё знаешь и всё помнишь; одна такая точка есть, которой никак нельзя забыть, и в обморок упасть нельзя, и всё около неё, около этой точки, ходит и вертится. И подумать, что это так до самой последней четверти секунды» (6, 68)

Достоевский перед казнью «счётом отсчитывал» минуты, секунды, доли секунд, чтобы распорядиться ими наилучшим образом: «Выходило, что остаётся жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживёт столько жизней, что ещё сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он ещё распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты еще положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал» (6, 63).

Далее писатель говорит о себе: «Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом. Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про

себя; он знал заранее, о чём он будет думать: ему всё хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живёт, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, – так кто же? где же? Всё это он думал в эти две минуты решить!» (6, 63)

Особенно ужасным при встрече со смертью было мучительное ощущение неизвестности «от этого нового, которое будет и сейчас наступит» (6, 63), – состояние, на которое обречён каждый человек, потому что никому не дано знать, откуда он пришёл в земную жизнь и куда уйдёт после. Сознание приговорённого к смерти обращается к спасительной мысли о Боге: «Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от неё сверкавшие; оторваться не мог от лучей; ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольётся с ними...» (6, 63)

Однако инстинктивно человек противится неизвестной смерти, цепляется за жизнь. Самым тяжёлым на эшафоте была для Достоевского «беспрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И всё это было бы моё! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счётом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!» (6, 63–64)

Отрицание смертной казни развёртывается у писателя в утверждение высшей ценности жизни: «Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь ещё раз живу! <...> Жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла бы быть веком счастья» (15, 83–84), – написал Достоевский брату Михаилу через несколько часов после эшафота. – «Как оглянусь на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неумении жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, – так кровью обливается сердце моё» (15, 84).

Однако удалось ли писателю впоследствии жить, не теряя напрасно ни одной минуты, цenia каждое мгновение жизни как наивысший дар судьбы? Удавалось ли это вообще кому-нибудь, даже из переживших тяжкие испытания, буквально возвращённых к жизни? Достоевский отвечает в романе «Идиот» следующим диалогом героев:

«– <...> вы, князь, верно, хотели вывести, что ни одного мгновения на копейки ценить нельзя, и иногда пять минут дороже соколовища. Всё это похвально, но позвольте, однако же, как же этот приятель, который вам такие страсти рассказывал... ведь ему переменили же наказание, стало быть, подарили же эту “бесконечную жизнь”. Ну, что же он с этим богатством сделал потом? Жил ли каждую минуту “счётом”?»

– О нет, он мне сам говорил, – я его уже про это спрашивал, – вовсе не так жил и много-много минут потерял.

– Ну, стало быть, вот вам и опыт, стало быть, и нельзя жить, взаправду “отсчитывая счётом”» (6, 64).

Самое главное, что вынес писатель из своего опыта, когда «был у последнего мгновения» (15, 83), это сохранение души, духа в Божьей чистоте при любых обстоятельствах. В том же знаменательном письме после обряда казни Достоевский утверждал: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чём жизнь, в чем задача её. Я сознал это» (15, 82). Пережив эшафот, словно родившись заново, Достоевский преисполнен благодатных и отрадных чувств: «Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Это отрада, я испытал её сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью. Я думал в ту минуту, что весть о казни убьёт тебя. Но теперь будь покоен, я ещё живу и буду жить в будущем мыслию, что когда-нибудь обниму тебя» (15, 84).

Готовясь пойти на каторгу, писатель, больной и истерзанный, был необыкновенно бодр духовно, не придавая особого значения состоянию физическому: «Никогда ещё таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело: не знаю» (15, 82).

Главным же утешением была евангельская сверх надежды надежда: «Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте» (15, 84).

Отрицая убийства, казни, насилие, жестокость, деспотизм, надругательство над человеческой душой, писатель прославляет праведную жизнь, какой она должны быть по Божьему устройению. Каждое её бесценное мгновение должно быть наполнено добром и Христовой правдой – этот завет оставил Достоевский своим читателям.

**Евгений
СТЕПАНОВ**

Москва



Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

**Из готовящейся книги стихотворений
«ПРЕОДОЛЕНИЕ»**

НА ЗЕМЛЕ

Н.

Болячки. Одиночество. Лежу, обняв тахту.
И помирать не хочется, и жить невмоготу.

А надо жить, весенняя пришла в мой сад пора.
И ждут меня растения, земля et cetera.

Хочу забыть проклятые болячки и беду.
Веселые пернатые чирикают в саду.

2022

ТЕРПЕТЬ

Н.

И сыплет жизнь на раны соль.
Агенты смерти из подполий
Повылезли, черны, как смоль.
Саднящая большая боль
Других не отменяет болей.
...Ни пряников, ни профитролей...
Родился – так терпеть изволь.

2022

ТРАДИЦИИ

Санкт-Петербург суров, нахмурен. Но это лишь на первый взгляд.
Лучисты Гранцева и Пурин – они традиции хранят,

Стараясь в недрах самотека найти заветный драгметалл.
А то, что здесь зима жестока, так это я давно узнал.

Санкт-Петербург высок. Он вроде аристократа средних лет.
Вот только Шпакова Володи здесь, к сожаленью, больше нет.

А без Володи тяжело мне. Как жить без друга – не пойму.
...Так тяжело в каменоломне тащить булыжник одному.

2022

ЛЕКЦИЯ

стилистика
падающего листика
2012

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

одни
оставляют след в жизни
другие
оставляют следы в жизни
третьи
уходят наследив в жизни
но если ты ненавидишь кого-то —
ты ненавидишь себя

1985

ТЫ: СВЕТ

Хлебнул сполна
Земной юдоли.
И так нужна
Замена боли.

А ты нежна,
Нежнее нету.
И не нужна
Замена свету.

1981

«Среди миров...»
И. А.

Мой кот разумнее меня, он спит и спит, прекрасно зная:
Реальность — это западня. И сон — реальность, но иная.
2022

КАЛИ-ЮГА

Третий глаз прорастает большой гематомой
Сквозь асфальт толстокожего лба.
Всей земле улыбаюсь как старой знакомой,
Понимаю любого жлоба.
Разве буду роптать — на дворе Кали-юга,
И еще будет долго она править бал.
Разве я не увижу в противнике друга,
Разве мало я в небе лиловом летал!

1987, 2018

ВЕЧНАЯ ТЕМА

женщина-небо
женщина-земля
мужчина-во поле ветер
2015, 2018

ПОДРАЖАНИЕ ХЛЕБНИКОВУ

смотрю вокруг — вижу тупик
смотрю вниз — вижу яму
смотрю вверх — пою песню
2017, 2018

ТРИ СТРОКИ

быстрая душевая вода
стекающая в узкую воронку поддона
что мне еще сказать о своей жизни
2017, 2018

ГОРОД

гонка московская капли сердечные
дни пролетают мои скоротечные
2018

СЕРДЦЕ

а все-таки
я писал не авторучкой а сердцем
поэтому оно устало
2018

ПОТОМ

потом я бы хотел быть дачной травой
по которой ходят голыми нежными ступнями мои
дети и внуки
2018. Берлин

КОТ

Мой кот храпит, как человек. Имеет времени излишек.
Во сне, наверно, рыбу хек он видит или окунишек.

А, может, видит он во сне свою возлюбленную Мурку.
И это так понятно мне, многострадальному придурку.

НОО

Не кромешно боязно и тяжело,
Что Харон разбрасывает снасти.
Ноосфера, точно промокашка,
Пропиталась кровью нашей страсти.

Ни мольбы, ни вздоха, ни оргазма,
Ни строки, в которой мощь и вера,
Не сыграют в ящик — безотказно
Пашет молодая ноосфера.
1993, 2018

В ОДНОМ НЕЗНАКОМОМ ГОРОДЕ

На воле как на зоне — не провести между.
Я, точно вор в законе, семьи не завожу.

Вокруг одни бандиты, родная волчья сыть.
Вокруг одни пииты, тудить их, растудить.
Тот вор и тот ворюга, воруют что-нибудь.
И все не прочь друг друга немножко обмануть.

Да, здесь такие нравы и нет иных забав.
И все, конечно, правы, хотя никто не прав.
2015, 2018

ВСЕ ТАК, А, МОЖЕТ, И НЕ ТАК

Не точен ни один вердикт,
Я против пафоса гнилого.
Ты скажешь: «Человек велик»,
Я поищу другое слово.

Все так, а, может, и не так,
Бардак от века и до века.
Ты скажешь: «Человек — червяк»,
Я заступлюсь за человека.
2018

**Сергей
ПРОХОРОВ**

Нижний Ингаш



*Сергей Прохоров – поэт, член
Союза писателей России,
автор 24 книг стихов и прозы,
основатель и редактор двух
литературных журналов:
«ИСТОКИ» (с 2005 г.) и
«ЛИТКУЛЬТПРИВЕТ!» (с 2012 г.).
За вклад в русскую словесность
и национальную культуру
награждён орденом «Культурное
наследие».*

ЛУЧШЕ Б НА ГУСЛЯХ

Мы нежные люди,
Мы солнышку рады,
Мы музыку любим,
А слышим снаряды.

Уберегусь ли
На огненном вскрике?
Мне лучше б на гуслях,
Мне слаще б на скрипке.

ЗЕМЛИ ТЕПЛО

О, боже, боже, боже мой,
Как же люблю я мир земной!
Его готов пройти пешком
В унтах, сандалиях, босиком,

В снегах полярных и в степи,
Куда ещё не занесло,
И где ногою не ступив,
Земли я чувствую тепло.

ПОДНОЖКА

Читая на лицах
Прохожих тоску я,
Хочу помолиться,
Грехами рискуя.

Кто нынче не грешен?
Молюсь понемножку.
Но ставит мне леший
Ко храму подножку.

СТИХАМИ НАГРАДА

Лет много я прожил,
Чего ещё надо?
Мечтать лишь о прошлом
Осталась отрада.

Занятие это
Не всякий раз в радость,
Но как для поэта -
Стихами награда.

КАК ХОЧЕТСЯ НА МИГ ПОМОЛОДЕТЬ

Не знаем мы, увы, когда и где
Нам ожидать конечного причала.
Как хочется на миг помолодеть,
Вернуться в то далёкое начало,

Где столько ещё радостей и грёз,
И счастливы нам горы и долины,
И пироги к рождению не из глины,
И все мечты реальны и всерьёз.

Стою на самом краешке пути.
Каким он был - он был моим, не скрою,
А жизнь свою запомню молодой,
Так легче груз лет дальше мне нести.

О ВЕСЕННЕМ ПРОГНОЗЕ

Весна на старте,
Фарт, чёрт возьми –
Пригрело в марте
До плюс восьми.

Надолго ль прелесть
Такая нам,
И что в апреле
Сулит весна?

А вдруг завьюжит,
Как уж не раз .
Уж лучше лужи,
Дожди и грязь,

Но чтобы лучик
Тепла с утра,
И завтра лучше,
Чем как вчера.

И в самом деле
Каков апрель?
Зачем в апреле
Метёт метель?

Простите, это
Я так дурю.
За это лето
Я вам дарю.

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Сию минуту или погода,
То жизнь торопим, то теряем время,
А лучше слушать музыку дождя –
Снимает как рукой любое бремя.

Спадают с плеч и год, и день, и час,
Как бы вода, что с крыши вниз стекает
И струны струй за окнами звучат,
И нотами мелодий, и стихами

Уводят от никчёмной суеты,
Печали все и недуги смывая,
И звуками небесной чистоты
Тебя всего, как пледом накрывая

Сию минуту или погода,
Да это, в общем, и не так уж важно.
Люблю я слушать музыку дождя,
Меня очаровавшую однажды.

НА УС

Не люблю я ерунды,
От неё дурею,
Не ношу я бороды,
Но усов не брею.

А к лицу мне или нет
Те власы под носом –
Ерунда, ведь я поэт,
Хоть и под вопросом.

Мне усы - ни форс, ни вкус,
В смысле про наружность,
А мотаю я на ус,
Всё, чего мне нужно.

Николай ЕРЁМИН

Красноярск



Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник поэзии «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты». Лауреат премии «Хинган», «Нефритовый Будда» и «Сибирский Лев» (2019г) Победитель конкурса «День поэзии Литературного института - 2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ.

СОНЕТ про ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА «ДЕНЬ и НОЧЬ»

Желая с музами общения
В стране, где всё разрешено, -
Ем «Юбилейное» печенье,
Пью «Юбилейное» вино...

И четверть века в восхищении
Пишу-творю всё вдохновеннее -
И отсылаю новый стих
В журнал Марине Саввиных...

Или - суровый, без прикрас,
О современности рассказ...
Где рядом, вновь, без дураков, -
Астафьев, Солнцев, Русаков...

Попов...Тарковский... Вот те на...
И я... Какие имена!

ЗВЁЗДНЫЙ СОНЕТ

Стихозавру Константину КЕДРОВУ

- Как простой сибирский кот
Я не врал – и не совру,
Что поверил в Мета-код
И в Мета-метафору...

И, совсем ещё не стар,
Вдруг котом учёным став,
К мур-мур-вере - «Дыр булщыл» -
Музу Мурку приобщил...

И нисколько не устал!
Это ж просто красота:
Пригодился неспроста
Метод Ин-сайд-аута:

В Космос семеро котят,
Как пегасики, глядят...

Не упрекай меня за то, что
Я не такой, как ты мечтала...
Что не такой, уж это точно,
И вовсе не из драгметалла.

Мне от твоих упрёков тошно.
Не забывай, что сердцу мило!
Не упрекай судьбу за то, что
Нас, как смогла, соединила.

Не упрекай, не упрекай,
Ведь впереди – апрель и май.
А там – и время, и пространство
Нарушат наше постоянство.

Спасибо, всем чертям назло,
За всё, что было – и прошло!

Шторм закончился... Море открыто...
К горизонту стремятся мечты...
- Ну, плывём? – говорит Маргарита, -
В чём ещё сомневаешься ты?

Перед нами - и солнце, и Ялта...
И - в бутылках и вне – виноград...
Сомневаюсь ли я? Это я-то,
Кто всегда приключениям рад...

В голове – вдохновения ветер...
Под ногами дрожит теплоход...
До чего ж хорошо жить на свете,
Уплывая от всяких забот...

Хорошо! Шторм ли, штиль впереди...
А сомненья давно позади...

В мире, где любовь – измена,
Муза, ах, не скрою,
Я бы третий вальс Шопена
Станцевал с тобою...

Чтобы время и пространство
Вновь зарифмовались,
Где любовь и постоянство -
Всем чертям на зависть...

Чтобы звёзды нам сверкали
Брызгами морскими...
Чтобы волны - под руками...
Горизонт – над ними...

Чтоб в душе у нас
Не кончался вальс ...

КАК ЖАЛЬ

Владимиру МОНАХОВУ

Как жаль, что я не жил в Китае
И никогда не буду жить...
А буду, про Китай мечтая,
Себе лишь, грешному, служить...
Где – в бухте Памяти - Харон
Со мною делит самогон...
За то, что с ним за так дружу
И ночью лодки сторожу...

А иногда - для куражу -
Вместо него перевозжу
Тех, кто желает сквозь года
В Китай отчалить навсегда,
Чтоб не вернуться – вот так да! -
Сюда...Где горе – не беда...

ФОТОСОНЕТ

На снимках юности – не я,
А кто-то глупый и наивный...
Склонённый над бутылкой винной
С улыбкой инобытия...
И Ангел – грешный, неземной,
В меня влюблённый и хмельной,
Стоящий с крыльями за мной...
Готовый, помнится, вот-вот
Со мной отправиться в полёт
Сюда, откуда я смотрю
И ничего не говорю,
И сам себя не узнаю...
Седой, непьющий и бескрылый...
...Где ты сейчас, мой Ангел милый?

НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

Эльвире ЧАСТИКОВОЙ

Я Новый год встречаю каждый день...
Проснулся - Ах! – и мысли набекрень...
И новые возвышенные чувства,
Вне всяких там Мин-фина и Мин-юста,
Мин-здравица и Мин-обра, наконец...

И счастлив, как зелёный огурец,
Нет, кабачок, нет, красный помидор,
Созревший вдруг, - я с некоторых пор,
Как все, желаю, чтобы нас собрали...
И спели в огороде: - Трали-вали...
Какой богатый нынче урожай! –

О, Муза, подпевай, не возражай
Крутым подругам, милая моя,
И вновь перезимуем – ты и я...

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛИТИНСТИТУТЕ

Литинститут – Парнас московский,
Где, прочим гениям под стать,
Меня печатал Цебаковский
В «Тверском бульваре, 25»

Бомонд! Богема! Благодать...
Где в космос – выше звёзд кремлёвских
Я на Пегасе мог взлетать
И звёздам Кедрова внимать...

Россия – песня и восторг –
Урал - Сибирь - Дальний Восток -

Метаметафора... И век,
Где я, безвестный имярек,
Стихи и день, и ночь шепчу
И вновь лечу, куда хочу...

СОНЕТ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Как бы Чуковский

Муха Цокотуха
Раз по полю шла...
И с цикуткой муха
Пузырёк нашла...

И – я врать не буду –
Радости полна,
Выпила цикуту,
Глупая, она...

В пузырьке цикута –
Это очень круто!

Ну, а вы, ребята,
Умные вполне,
Как бы поступили?
Кто ответит мне?

ТРИПТИХ

1. БЕЗ ПРИКРАС

Серёжа Прохоров, мой друг,
Предчувствуя финал,
Болел, недогадал... Но вдруг
Стал издавать журнал.
И сразу же - привет мечтам! -
Для песен он воскрес,
И сразу вызвал тут и там
К журналу интерес...
И мне «Истоки» по душе,
Где авторы - родня.
Я рад, что в Нижнем Ингаше
Читают и меня!
Что просвещается народ.
И очень встрече рад,
Когда, гитару взяв, поёт
Мой друг - поэт и бард,
Всем музам брат, кум королю.,
И, счастлив без прикрас,
Я в новый номер снова шлю
Стихи или рассказ.

2. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Сергею Прохорову

Над Нижним Ингашом –
Вечерний звон...
На сотни вёрст... Такой, что нет спасенья...

Вечерний звон...
Ах, если бы не он!
Каким хорошим было б воскресенье...

Так думал я,
Из дома выходя
Под капельницу вешнего дождя...

Но окружал меня со всех сторон
Над Нижним Ингашом
Вечерний звон...

3. В НИЖНЕМ ИНГАШЕ

С.П.

Поэт,
Играющий на лире,
Зовёт, поёт в моей душе...

Я гостем был в его квартире
Когда-то
В Нижнем Ингаше...

Где он,
Среди земных забот
Журнал «Истоки» издаёт...

В мечтах о «Мире во всём мире»

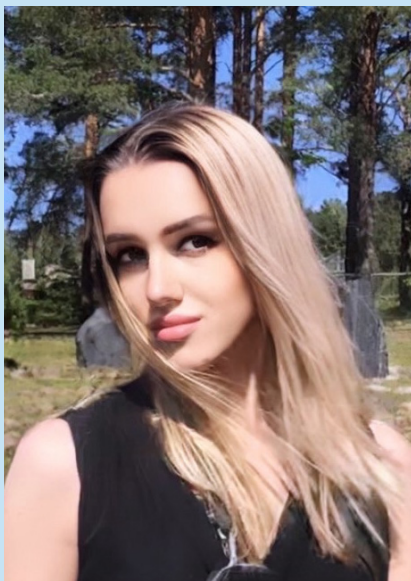
Поэт,
Игравший мне на лире,

Зовёт, чтоб поиграть - уже
На гусях –
В Нижнем Ингаше...

Красноярск

Екатерина ГРОМОВА

Петрозаводск.
Карелия



Родилась 25.05.1993г. в г.
Петрозаводске.
Окончила Петрозаводский
кооперативный техникум.

Работает графическим
дизайнером.
Достижения:

- 1 место на фестивале поэзии и видеопэзии «Мой поэт» 25.09.2022 (г. Петрозаводск);
- 2 место во Всероссийском литературном конкурсе «Литкон» (г.Королёв, 12.11.2022);
- Лауреат Московского межрегионального поэтического конкурса «Россия - земля моя!»;
- Лауреат Всероссийского творческого конкурса «Сокская радуга» в номинации «Поэзия»;
- Лонг-лист 14-ого молодежного литературного конкурса журнала «Север» «Северная звезда» - 2022. Согласна на безгонорарную публикацию.

СИМУРГ

Там, где горы клинками разрезали алый рассвет,
и бурлящая кровь грела степи остывшее тело,
роковой стаей птиц пролетающая туча ракет
пела... пела.

Как вериги, монисто из фраз на чужом языке
водрузила на детскую шею война - больно, туго...
Упокойся же с миром в горячем, как лава, песке,
дар от Юга.

Что тогда отражал беспокойно-опаловый взгляд?
Милосердны ли когти, что тщетно пытались поранить?
Жаль, остался невзорванным тлеющий старый снаряд –
память... память.

Все могло быть иначе: ни страха, ни воя ракет,
не пришлось бы задабривать Симурга ради спасенья
от того, что преследует будто бы тысячу лет
жуткой тенью.

О ЛЕТНЕЙ ПОЕЗДКЕ

Прохладой озера дышало мое лето,
Неведомым наречьем пел мой лес.
Я предпочту всем странам и планетам
Наш дом за городом - он рай для поэтесс!

Там ощущается природы дикой сила —
Я много раз гуляла в сильный шторм.
В молитве Бога я за жизнь благодарила,
И за семью, и за любимый дом.

Но как бывает строгой мать-природа,
Так и бросает гнев за горизонт.
Под вечер успокоилась погода,
Закат волшебный счастье нам несёт!

Плодовые деревья в мягком свете,
Горит огнями дальняя скала.
Мы будем помнить о коротком лете,
Когда природа грела и цвела.

Мой путь один: в Ничто и в Никогда
Неотвратимо брэнное стремится,
Все повторится – образы и лица,
На поле жизни долгая страда.

В конце пути – горящая звезда
Своим огнём охватит колесницу,
Ту, что летит в астральную темницу,
Где ждёт перерождений череда.

Сансарный плен - есть путь, что бесконечен
И закольцован. Пламенем отмечен
Мой каждый шаг в иную ипостась.

В одной из сот земных цивилизаций
Тебя узнаю в толпах инкарнаций
И позову. С тобой не рвётся связь.

Мне не устать от внутреннего пламени -
я голый нерв, горящий небосвод.
Дурной пример, который был бы правильным
в иной вселенной, что наоборот.

«Послушай птиц, венком украсив волосы,
Как в тигле плавильшь ты остатки дней!» –
пока звучат помехи чьим-то голосом,
я пьедестал себе сваяю из углей.

В сомнениях – чаще трус и сожалеющий
о том, что, не подумав произнёс,
а я - огонь янтарно-багровеющий,
из плоти, карих глаз и литра слез.

Меняю платье на доспехи высшей твердости,
На месте «mortem» - «vivo». Неспеша
Ищу очаг в огромной чёрной пропасти -
Возможно, там и есть моя душа.

**Юрий
АЛЕКСАНДРОВ**
Домодедово.
Московская область



Пишу рассказы, стихи, философские рассуждения, очерки, эссе, даже анекдоты. Размещаю в ВК и на различных лит.ресурсах в Интернете - подписчиков около 2,5 тыс. (постоянных читателей - около 500).

В ноябре 2022г. участвовал во Всероссийском литературном конкурсе ЛИТКОН в честь 200-летия Ф.М.Достоевского (интересно, что они с моим отцом родились в один день с разницей ровно 110 лет) в номинациях ПРОЗА и ПОЭЗИЯ. В обеих номинациях я был удостоен «специальных призов организаторов». Также мои работы (три рассказа и три стихотворения) опубликованы в сборнике дипломантов этого конкурса.

В 1999 году в городской газете «Клайпеда» г.Клайпеда (Литва) была опубликована подборка моих мини-рассказов под общим названием «Байки штурмана».

КАНДИДАТ ИЗ НАШЕГО ДВОРА

ПРОЛОГ.

Ещё в Советское время, когда я ходил в море, был у меня приятель Витька Ярошук из Минска.

Вот как-то в одном из рейсов за еженочными чаями-кофеями он рассказал мне такую историю.

Часть 1. Из жизни.

Это произошло тогда, когда теперь уже умершие были живее живых, старики были молодыми, молодые - детьми, а детей ещё не было даже в проектах. А Витька ещё учился в одной из обычных советских школ на окраине Минска.

Рабочая окраина Минска. Тогда в СССР в 60-70-х годах уже забываемого века, окраина, как и большинство прирезанных к большим городам районов, которые стали называть «спальными», после их «огорожанивания», оставались «деревнями» с 4-5-9-и этажными одно-двух-четырёх подъездными домами, с лучше-хуже ухоженными палисадниками за низенькими деревянными заборчиками из крохотного штакетника, на которых заботливые жильцы первых этажей высаживали ягодные кусты и цветы, со скамейками на чугунной витиеватой основе у каждого подъезда, с проходными и тупиковыми дворами, изрезанными логически протоптанными трассирующими тропинками, с развешенными для просушки в дальних углах белыми без рисунков простынями и ночными рубашками и черными сатиновыми семейными трусами, парусами надувавшимися на сквозняках, зацепленными к проводам-верёвкам деревянными серыми, как старый деревенский сруб, прищепками с пружинкой, как у деревянной же бабушкиной мышеловки, с пацанами, носящимися гагаринской ракетой между всего этого дворового натюрморта за старым не футбольным мячом, где практически все знают друг друга, здороваются при встрече, ходят в гости и знают о соседях больше, чем о себе.

И это понятно – деревни обращали в города. Частные дома, чаще всего присевшие от старости на корточки, опёршиеся на подоконники и резные оконные наличники, словно роденовский «Мыслитель» подбородком на ладонь и колено, сносили-хоронили под чьи-то слёзы, а под чьё-то удовольствие от предвкушения будущей счастливой беззаботы городской жизни. На месте почивших и оплаканных с их садиками и огородиками милых, родных, отчих пятистенков, складывали панельки. А люди оставались те же - селяне, со своим домостроем и привычками, от которых они не в раз, а постепенно избавлялись, но навсегда не до конца.

Но соединение города и деревни на этом не заканчивалось, а скорее только начиналось. Так как в центральных частях города то же сносилось что-нибудь ветхое и мешающее, тоже шло строительство нового жилого и не жилого фондов и расширялись проезжие части, а так же росло благосостояние народа, и его же, народа, согласно статистическим отчётам, ежеквартальное увеличение, то всё это, так сказать, требовало. В том числе, требовало отдельных квартир. Поэтому коммуналкам, до того уже побывавшими отдельными, но не

пролетарскими квартирами, вновь возвращали их первоначальный статус.

Перед тесножившими центровыми вставал революционный вопрос: либо начинать новую жизнь в большой отдельной квартире в спальной новостройке сейчас, либо продолжать игры в спорт-лото 5 из 36 и 6 из 49 и ждать счастливый случай. Одни семейные советы принимали нелогичные с точки зрения других семейных советов решения, другие пытались усидеть на двух стульях. Но большинство наших людей не имело склонность к азартным играм на собственную судьбу и судьбу членов своих семей. И они становились мигрантами - бывшими центровыми.

Но спросите любого жителя городской окраины, кого-нибудь из прошлых новостроек, прожившего там уже лет тридцать, а то и дольше, переехавшего туда из центра этого же населённого пункта концентратора магазинов, развлечений и статусности, то он и тогда будет считать себя «центральным», случайно оказавшимся на задворках этой человеческой грибницы, т.е. жителем самой центральной, а следовательно, главной части города. Себя он будет считать «коренным». И если он и не станет говорить об этом к месту и не к месту, то уж точно будет показывать всем соседям всем своим видом и выражением бровей и лба, что он здесь главный и/или, как минимум, все это должны знать, понимать, а потому уважать, не смотря ни на что, даже если этот «центральной», крайний алкаш во всём этом и соседних дворах.

Несмотря на то, что именно здесь, в этих когда-то «Новых Черёмушках», родились его дети и внуки, он всё равно будет считать себя жителем ЦЕНТРА города. И так происходит в любом городе, будь то Москва, Самара или Сызрань. Интересно, что в большинстве случаев при правильном воспитании их потомки также начинают считать себя жителями центра, временно, по недоразумению или по стечению разных несправедливостей, оказавшимися на пограничных город-загород территориях.

И вот сталкивались две мощи, как беспощадный морской шторм и материковая скала, как лёд и пламень, как нож и масло. Хотя, у переселенцев эта встреча скорее походила на столкновение ложки и вилки с лопатой и граблями, интеллигентской утончённости и арифмометра с рукастой жилистостью и смекалкой. И если новгороджане поначалу имели преимущество, т.к. обустройство нового места требовало соответствующего опыта и сил, то в дальнейшем мигранты компенсировали отсутствие таких компетенций, ежедневными уроками своих отпрысков игре на скрипках и фортепьяно, чем выводили первых из себя, доводя и тех и других до словесных баталий.

Но постепенно люди знакомились, смирялись, сживались и, в конце концов, превращались в жителей НАШЕЙ лестничной площадки, НАШЕГО подъезда, НАШЕГО дома, НАШЕГО двора. Рождался новый вид горожанина. Они брали друг у друга и лучшее и худшее: новгороджане перенимали необходимость получения высшего образования, пусть даже и любого, а также инфантилизм к любому ремеслу, а центротудалённые научались вбивать в стену, ну, хотя бы гвоздь, а также пониманию того, что образованность это не панацея от домашних скандалов из-за вечной нехватки денег.

Постепенно дворы превращались в этакие почти загородные семейные клубы, в которых проводились и внутренние спортивные соревнования по шашкам, шахматам и домино, и детские уличные концерты, являвшиеся своего рода взносом в новую культуру коренными горожанами, и совместные застолья с коллективными песнопениями, что несомненно было вкладом бывших селян.

Наивысшим же проявлением такого симбиоза, стали... скамейки. Да, товарищи, скамейки у подъездов и в глубине дворов.

Скамейки у подъездов на витиеватых чугунных каркасах обычно оккупировали жильцы-пенсии. Это было место их дислокации: одновременно сборного, наблюдательного и переговорного пунктов, стрельбища и фронта, как совмещенные кухня, гостиная, коридор с уличным радио и проходной на секретный завод.

Мужичьи же скамейки, это такая доска-сиделка, отполированная задами и штанами до состояния уникальных образцов мебели из Музея Академии барона Штиглица в Питере, лежащая на двух оцилиндрованных брёвнышках, вкопанных в землю да так, что сидя на ней, взрослый будет доставать сандалиями до земли на полувыпрямленных коленях, как с сидения подросткового велосипеда, ну, а любой пацан просто таки мог бы болтать ногами. Стояли эти скамейки в глубине двора, как форт, как остров и были штабом для всех мужиков двора. Там не было места для женского пола или случайных. Это был анклав - государство для своих. А визой для чужих была поллитровка.

Во дворах люди проводили чуть ли не большую часть своего свободного времени вне зависимости от времени года. Исключая, конечно, время на сон и личную санитарию. За чистотой двора смотрели дворники, а как иначе: зимой снег с дорожек и тропинок счистить, осенью листья опавшие с них смести, летом пыль, да и случайный мусор убрать, который в остальные сезоны не виден. Ну, а весной на тех же дорожках расколотить и убрать спрессованные за зиму ногами прохожих побледневшие обломки снежных плит и плиток, чтобы не было заторов из мини торосов, для свободного прохождения вешних вод и самодельных ребячьих корабликов

- специально сделанных или из чего попало найденного, хоть из обломков старых веток и даже из обгорелых спичек. Иначе не пройти и не проехать.

А еще ежедневно по утрам и вечерам строго в одни и те же часы, не взирая на погоду и время года, приезжала мусорная машина, таких теперь уже нет. И жильцы из всех подъездов всех домов в это время со своими мусорными десятилитровыми эмалированными ведрами без крышек вереницами, словно муравьи быстро и целенаправленно спешили к мусорной площадке. Подъезжавшая мусорка начинала сигналить ещё на ходу. Остановившись в отведённом месте, мусорка переставала гудеть, а соседи, не прекращая разговаривать друг с другом, вываливали из своих ведер продукты своей же бытовой жизнедеятельности: очистки, обертки и т.п. в жерло мусоросборника, похожее на выдвинутую вперед нижнюю челюсть какого-нибудь ужаслика, готового сожрать чего угодно, но получающего только то, что жителям не надобно. Минут через 10-15 мусорка уезжала. И мусорную площадку нужно было прибрать-подмести. Так что без дворников никуда.

Но один раз в год происходило грандиозное событие: в апреле, ближе ко дню рождения вождя всех угнетённых и не очень, ВСЕ местные, практически без напоминаний, уговоров и «насилия», отложив домашнее неотложное, выходили на улицу на субботник. Субботник - это коллективный бесплатный труд в личный выходной день. На субботнике убирали дворовую территорию, на которой сами же жильцы гуляли и мусорили весь год, а дворники пропустили, красили приподъездные скамейки и маленькие заборчики палисадников, большие заборы вокруг дворов, если таковые были, убирали остатки прошлогодней травы и листвы. Короче говоря, приводили в порядок всё, что требовалось и что замечали.

Как правило, каждую квартиру представлял один член семьи. Но самые крепкие Советские ячейки выходили в полном составе: родители с детьми, с редко выходящими во двор совсем-совсем старыми старичками-родителями и с домашними животными. И если случалось так, что у кого-нибудь гостили родственники, то и они выходили на общественно-полезный праздник бескорыстного труда. Свойский инвентарь: лопаты, грабли, тяпки, метлы, совки, ненужные весь год, не применяемые в квартирном быту, раз в год узнавал своё истинное предназначение.

И, что интересно, никакой злости ни на лицах, ни в душе за неоплачиваемую работу ни у кого не было. Радость была, возможно, не у всех, и не столь явная. Но злости точно не было.

И, конечно же, куда мы без начальства. Любое мероприятие, даже если никто на него не пришёл, не имеет права быть даже замысленно прежде, чем будет определено ответственное за всё мероприятие лицо. Субботниками всегда руководил штаб, состоящий из старших по домам и подъездам. Особых знаков различий от остальных жильцов у них не было: у всех резиновые сапоги, а из одежды, что угодно старое и ненужное, подходящее для того, что бы в случае чего не пожалеть о том, что она после всего подойдёт лишь на роль половой тряпки. Так что и фрак в качестве робы сгодился бы. Отличить штабистов от остального войска было возможно лишь по активной жестикуляции, мимике и постоянным передвижением по вверенной территории. Но вот что удивительно, к концу работы они становились неотличимыми от всех других соседей - такие же уставшие и абсолютно подготовленные и внешне, и внутренне к принятию водных процедур и застолью.

Так вот. В Витькином доме на 1-ом этаже жил никчёмный моложавый неопределённого возраста очкарик. С мужиками на улице по выходным в домино-шахматы не играл, вместе с ними не выпивал, на субботники не выходил. Рано утром шёл на работу. Вечером домой. Шмык-шмык - и его не видно. Где он работал, чем занимался, никто не знал. Ходили разные слухи: толи он какой-то тайный сотрудник известных органов, толи секретный учёный. А может ещё один гений-отшельник, как Григорий Перельман. А может просто - городской сумасшедший. Но все жители двора между собой на всякий случай звали его «Профессор». И хотя роптали у него за спиной в его же адрес всякое, но тихонечко и без особой злобы.

В Советское время доктор наук, кандидат, доцент, декан, ректор, профессор, академик - вызывали чувство необъяснимого благоговения и почитания. Такие же чувства вызывали спортсмены: чемпионы, призёры, мастера спорта - но в этом разбирались все. А вот с наукой было сложнее. Большинство простых людей не знали и не понимали разницу между всеми этими титулами. Но то, что это «титулы», никак не меньше, не постижимые для понимания и не достижимые для себя самих - понимали все. Если у кого-то был такой сосед, то он смело мог считать и считал, что и сам отчасти где-то хоть чуть, хоть чуть-чуть такой же исключительный и достойный зависти тех, у кого такого соседа не было. В то время, если рассказать своим друзьям, что твой сосед мастер спорта или кандидат наук, то вы в глазах ваших знакомых тут же приравнивались минимум к перворазряднику или к кандидату в кандидаты. Даже проживавшие в одном дворе более почтительно относились к тем соседям, у которых сосед сверху, снизу или через стенку соседнего подъезда, был тем самым мастером или кандидатом.

Профессор, никогда не выходил на субботники, чем выбивался из общего строя. Его неучастие в коллективном празднике труда всегда возмущало соседей. Но так, только на «пять минут», так сказать, тема

для посудачить. Через пару недель после субботника все соседи забывали об этом. Подспудно они понимали, что в его невыходах что-то есть, что-то такое, что даёт ему право быть не «с», а где-то «над» остальными соседями. Ведь не просто так его прозвали «Профессором». А вот то, что он не участвует в коллективных праздниках, не ходит к другом и, главное, не приглашает к себе в гости, обижало и настораживало.

Часть 2. Нежданно-негаданно.

Но однажды в один из позднелетних душевных нескончаемых быстропроходящих вечеров, когда солнце упиралось и цеплялось последними лучами за всё вокруг, прежде чем погрузиться за крышу противного дома, распаивается «на 180 обе створки» окно на первом этаже квартиры того самого Профессора. Из темноты оконного проёма вываливается невменяемо-пьяное полу-тело и во всю глотку, бессистемно растягивая то гласные, то согласные, забывает: «Я-а-к-кан-ндид-да-ат-т...»

Сидящие на своих скамейках в своём штабе мужики, принимавшие вечернее предснотворное, ничуть не удивились столь беспардонному вмешательству в благополучно завершавшийся день, словно нечто подобное они предполагали, готовились и, наконец, дождались. Не сговариваясь, хором, как после многочасовой спевки, с оживлённой зевотой поддержали «кандидата»: «У-ура-а-а!» После затухания дворового эха, полу-тело исчезло в пещерный мрак того же оконного проёма.

Буквально через минуту полу-тело появилось вновь: «Я-к-кан-нд-да-ат!», - теряя гласные, оно открыло второе отделение. Мужики, коллективно дирижируя, взревели свой припев: «У-ура-а-а!»

Этот концерт с выходом продолжался долго, состоял из бессчётного количества отделений и коротких антрактов. При этом каждое последующее отделение отличалось от предыдущего, потерей букв и громкости солирующего, хотя с лихвой компенсировалось продолжительностью самого акта и сокращением антракта. Завершилось выступление за полночь: то ли из-за не солиста, по спонтанно сложившемуся сценарию, то ли из-за распада хора, уставшего бесконечно повторять один и тот же припев.

Наутро выяснилось, что этот «никчемный шмык-шмык очкарик» по прозвищу «Профессор» защитил диссертацию кандидата наук на какую-то физико-философскую тему, название которой нельзя произносить в приличном обществе, так как можно ошибиться, что-нибудь перепутать, оконфузится самому и оскорбить слух других.

Весь двор был в восторге. Все жильцы поздравляли друг друга, словно это их общий близкой родственник или по крайности сосед получил этот «титул». Главное, теперь у них есть СВОЙ кандидат наук! Значит всё правильно, значит не зря все эти годы все всё терпели и «не очень обижались» - ведь это они все вместе вырастили такого своего человека.

Сразу же все узнали, что на самом деле имя «Профессора»... Впрочем, это неважно - все его так и продолжили звать - «Профессор».

И были столы во дворе и песни, и поздравления, и дружное «ура», и даже детский концерт - а как же иначе, ведь ни каждый день такое событие происходит. Правда, Профессора на этих празднованиях не было. Но никто об этом не думал - Профессор был в их сердцах. И все всё понимали без слов.

Так что, как говориться - знай наших!

А вот защитил ли тот кандидат докторскую диссертацию, когда, как она называлась, и каким выступлением Профессор это отметил, история умолчала.

ЭПИЛОГ.

Главное! Главное – никогда со злом не думайте и уж тем более не говорите о том, о чём сами же ничего в точности и не знаете.

**Ирина
КАТОВА**
Тюмень



Андреева (Катова) Ирина Андреевна родилась на юге Тюменской обл. в с. Партизан Абатского р-на. Выпускница сельской средней школы. Окончила Тюменский машиностроительный техникум отделение ПГС. Работала мастером на строительстве жилых и производственных объектов. Затем секретарём в НИИСХ «Северного Зауралья». В данное время пенсионерка. Член СП России. Живёт в пригороде Тюмени. Публиковалась в альманахах «Врата Сибири» (Тюмень), «Живое слово» (Тюмень), «Ковчег» (Тула), «Бийский вестник» (Алтай), журналах «Александръ» (Москва), «Подъём» (Воронеж), «Москва» (Москва), «Светоч» (Фурманов) Дипломант 2-х региональных конкурсов «Книга года - 2021» в номинации «Лучшая книга художественной прозы» и «Книга года - 2022» в номинации «Лучшая книга прозы для детей и юношества».

ИСПОВЕДЬ ЭМИГРАНТА

На Алтае я не была десять лет, с тех пор, как возила туда внучку в дет-ский санаторий. И вновь судьба позвала в дорогу тем же поездом «Москва-Барнаул», только теперь по своим писательским делам. Помню, как та поезд-ка оказалась для меня, пишущего человека, полезна, вдохновила на новый рассказ, на этот раз я почему-то не надеялась на удачу, не попадает снаряд два раза в одну воронку...

На исходе лета 2022г. в 05.35 по тюменскому времени вошла в полу-тёмное спящее купе, присела на нижнее место справа, уступая дорогу ещё одному пассажиру, небольшую дорожную сумку поставила рядом с собой. Следом ввалился молодой парень в спортивной одежде с огромным клетча-тым баулом, играючи забросил его на третью, багажную полку. Я молча по-дала ему и свою, выразив просьбу взглядом. Поблагодарила, когда он и с моей сумкой управился. Парень тотчас запрыгнул на верхнюю полку, улёгся спать.

Время было ещё раннее, но мне спать уже не хотелось, я устроилась на своей нижней, ожидая, когда тронется поезд и можно будет купить постель-ное бельё.

Поезд тронулся. Пассажир напротив меня шевельнулся, откинув одеяло, спросил:

- Какая станция?

Я тихо ответила, назвала местное время. Он как-то рывком поднялся, аккуратно застелил постель, прихватил туалетные принадлежности, вышел из купе. Я для себя отметила: «Пожилой, вот и не спится». Видимо, со сна он действительно показался мне пожилым, седым, несколько помятым, взъеро-шенным. Но вернулся он свежим, бодрым и улыбочивым, сразу помолодев-шим:

- Вот теперь доброе утро!

- Доброе, - улыбнулась и я.

- Как погода в Тюмени? – заговорщицки полущёпотом спросил он.

- Ничего, хорошее лето было и осень вроде обещает быть доброй.

- Хорошо бы. А у Вас какой конечный пункт?

- Я доБарнаула.

- Понятно, а я чуть раньше сойду, станция Ребриха. Вы, уж, извините, что с разговорами навязываюсь, как-то одичал я без человеческого общения. Вто-рые сутки в пути. В попутчиках одна молодёжь, то по ресторанам бегают, то в телефоны свои уткнутся, не видят и не слышат ничего.

Я намекнула, мол, пообщаемся ещё, пусть молодёжь поспит, жестом указала на соседей. Он кивнул согласно, снова вышел, но скоро вернулся с двумя стаканами горячего чая в подстаканниках, подмигнул, выказывая чув-ство юмора и доброжелательности, свойственное русскому человеку, которое я вскоре оценила.

- Давайте, чайком побалуемся.

Теперь я разглядела его как следует. Мужчина был не молод, но и не стар, однако старше меня лет на десяток, как не больше. Среднего роста, жи-листый. Плотно сжатые губы и складка между бровей выдавала цельную во-левою натуру. Живыми, задорными были его синие глаза, глаза человека, ко-торый не сдаётся обстоятельствам жизни. Я уже встречала таких «живчиков», на которых держится наша планета, не замедляя свой бег...

Между тем достала вечную спутницу своей жизни – книгу. В этот раз это была «Русские эмигранты и их потомки» АидыАрьё.

Позже, когда проснулись, вышли из купе наши попутчики, мы разгово-рились. Познакомились. Звали его Виктор Петрович.

Сибиряк-алтаец из села Зелёная Роща. Разговор сначала крутился вокруг биографий – кто где родил-ся, учился, трудился. Много совпадало в нашем деревенском происхождении, укладе жизни семей. Я заложила книгу закладкой, отложила в сторону, давая понять, что заинтересована беседой, он высмотрел название, спросил оживлённо:

- Хорошая?

- Мне нравится, - уклонилась я от подробного ответа.

- А я ведь тоже эмигрант, только поздний.

Он поведал, что всей семьёй уехали в Германию в 2016-м, что это было меч-той его жены, сибирячки, односельчанки, немки по происхождению. После развала Союза вся её родня ещё в девяностые эмигрировала на историческую родину, лишь она задержалась надолго...

Выживать в России становилось всё труднее. Он работал до семидесяти двух лет. Жена преподавала немецкий в университете. А по выходным «пахали» на даче.

- Хотелосьведь и детям-внукам помочь, а их у нас: трое сыновей, снохи, шесть внуков. Все они тоже рвались туда. Короче, сдался я. Ведь не останусь же тут один. Вы слышали в Германии город Нюрнберг?

- Конечно, в советской школе историю преподавали нормально.

- Так вот, поселились мы совсем рядом. Оно бы ничего, но уж больно значим этот город для меня. Что это, провидение судьбы, рок?

Виктор Петрович поведал историю родителей.

В начале 20-х дед мой, Прокопий, украинец, из села Алексеевка под Харько-вом, женился на моей бабушке Дарье, в 1925 году у них родился отец мой Пётр. Затем Иван. Тяжёлые это были годы. Дед наш умер очень рано – про-студился на работе, когда папе было семь лет. А 1933 год папе особенно за-помнился ещё и по страшному голоду, охватившему весь юг СССР и Повол-жье. С раннего детства помогал он матери. Тяжело было в те годы бабушке одной поднимать сыновей. Женщина она была совсем молодая, красивая, вот и вышла замуж второй раз - за мужчину надёжного, работающего. От этого брака родилось ещё три мальчика.

После окончания школы-семилетки отец в шестнадцать лет пошёл работать на авиационный завод резчиком листовой дюрала на гильотинных ножницах. Завод был военный, чтобы туда попасть, надо было пройти всевозможные проверки.

Вскоре и Ваня стал работать. Жизнь в семье начала налаживаться. Но вдруг – война!!! Великая Отечественная...

Фашисты неудержимо пёрли на восток, и вскоре на Харьковском авиацион-ном заводе приступили к эвакуации. Молодых ребят, в том числе и папу, ос-тавили для погрузки оборудования на эшелоны. Куда эвакуировался завод, он узнал только ближе к старости, когда стал оформлять документы для пенсии, – в Пермь. Но ему не довелось туда попасть.

С последним эшелонем, забитым станками и беженцами-евреями, сидевшими даже на крышах вагонов, он смог отъехать от Харькова только на тридцать километров. На одной из станций поезд попал под авиабомбёжку и сгорел.

Уцелевший папа пошёл обратно домой.

Красная Армия оставила Харьков без боя в сентябре 1941 года. На всю жизнь отец запомнил картину, виденную им издали, как немцы серыми колоннами походным маршем втягивались в город зловещей змейёй по Холодной горе...

Ну, а потом они на каждой улице посёлка назначили старост, которые вскоре объявили:

- Кто хочет иметь работу, пусть приходит на вокзал!

Работа для Петра – спасение всей семьи. Рано утром 28 февраля 1942 года, получив от мамы узелок с обедом, он отправился к вокзалу, думая, что вече-ром после трудового дня вернётся домой. Вместе с ним пошёл и его двою-родный брат Коля.

На перроне было уже полно народу, таких же шестнадцати-семнадцатилетних парней. Все ждали работы, но никто ничего не мог объяснить. Настораживало наличие немецких солдат, которые вскоре принялись загонять всех в помещения вокзала. Назад уже не выпускали.

Когда вокзал набился народом, солдаты выстроились коридорами до товар-ных вагонов подошедшего эшелона, загнали в них людей и закрыли двери на замки. Поезд двинулся в путь. Куда?!

Ошеломлённые парнишки молчали в недоумении – всё произошло так быст-ро!

Первый раз открыли товарняки и дали попить, когда прибыли уже, как выяс-нилось, в Польшу!

Позднее он ничего не мог вспомнить, сколько дней они были в пути. Пришёл в себя только, когда их стали разбирать и отправлять на работы, в Германии.

Отца с братом повезли в Нюрнберг в паровозоремонтное депо. Здесь их вме-сте с несколькими русскими ребятами прикрепили к старому немцу-мастеру, под присмотром которого они стали чистить от ржавчины котлы и трубопро-воды паровозов. Работа грязная, пыльная, в котлах можно пролезть только тощему парнишке – сами немцы эту работу не делали.

Спали «ост-арбайтен» в бараке недалеко от депо под охраной. Вооружённый конвой каждое утро водил их строем. На работе тоже охрана, а вечером под конвоем – в барак.

Вся война папе запомнилась постоянным желанием есть – кормили отходами, чтоб только не сдохли!

Ослабленные голодом, непосильной работой, спящие в сырых холодных ба-раках пленные постоянно болели и нередко умирали. Как-то Петя тоже за-хворал: под подбородком назрел огромный нарыв, глотать невозможно, го-лову не повернуть, от приступов боли подташнивало, тело то горело огнём, то мёрзло в ознобе.

Пришёл немец-фельдшер и без наркоза разрезал нарыв. Шрам от этой «операции» остался у отца на всю жизнь.

Однажды, ближе к концу войны, пригнали в лагерь новую партию «ост-арбайтен». Там оказались земляки прямо с харьковского посёлка Алексеевка.

Естественно, начались расспросы: «Как там наши?»

- У тебя, Петро, - говорят, - все живы, Ивана только тоже в Германию угнали, да маленький Сашко ещё в начале войны заболел и умер. А вот, у Кольки всю семью немцы расстреляли! Мать фашистам корову-кормилицу не отда-ла... После этого известия Николай стал сам не свой, и, если бы не папа, он бы натворил что-нибудь такое, после чего и его бы расстреляли.

Война катилась к predetermined её концу, Советская Армия уже всту-пала в пределы Германии. Американцы открыли второй фронт. О том, что фашистам скоро «капут», можно было судить по несвойственному немцам беспорядку на весьма важном для рейха Нюрнбергском сортировочном же-лезнодорожном узле – он стал забит вагонами до предела. Всё меньше и меньше немцев-рабочих выходило на ремонт паровозов.

Из ворот стоявшего рядом с лагерем филиала фирмы «Манн» перестали вы-ходить новенькие танки «Тигр».

Затем пленных не стали выгонять на работу из лагеря, исчезла охрана. Депо опустело, а вагоны на сортировочной станции не охранялись.

Вечно голодные «ост-арбайтен», воспользовались этой ситуацией: по ночам в поисках пропитания выбирались из бараков, взламывали товарные вагоны и тащили всё, что попадалось, но в первую очередь – еду.

И вот подошла развязка войны! В одну из ночей на Нюрнберг налетели аме-риканские самолёты и приступили к массивной бомбёжке. Конечно, же-лезнодорожному узлу и танковому заводу «Манн», как важнейшим стратеги-ческим объектам, досталось больше всех остальных районов города.

Трое суток отец с несколькими товарищами безвылазно сидел в каком-то ка-нализационном колодце, голодом, каждую минуту ожидая смерти!

Наконец 19 апреля 1945 года взрывы наверху прекратились. Подождав ещё несколько часов, парнишки осторожно выбрались из своего убежища. Вместо городских улиц и вокзала перед ними лежали дымящие и горящие развалины,

а первым из людей им встретился негр. Первую секунду они оторопели – на фоне адских разрушений он показался им чёртом – негров-то они никогда не видели! А тот сидел на танкетке, скалил белоснежные зубы и подзывал к себе, протягивал галеты!

Война окончилась! Надо возвращаться домой.

Но не тут-то было! Победители разделили Германию на четыре зоны: аме-риканскую, английскую, французскую и советскую. Нюрнберг оказался у аме-риканцев, которые собрали со всего города интернированных гитлеровцами рабочих и разместили их в уцелевшем от бомбёжек трёхэтажном здании - бывшей казармы училища офицеров СС. Здесь оказались выходцы из всех стран Европы.

Целый месяц шли разборки. Не раз американцы предлагали русским уехать на жительство в США, в Англию или остаться в Германии. Запугивали:

- Сталин сказал, что у вас нет пленных, а потому, если кто вернётся домой, всех, как предателей, расстреляют или отправят в Сибирь!

Некоторые согласились. Папу такой вопрос не мучил – только на Родину, только домой, в Харьков!

Вскоре американцы всех, пожелавших вернуться в СССР, вывезли из лагеря в Чехословакию и передали советским военным властям. Там начались допросы и проверки об обстоятельствах интернирования. Когда отец с Николаем убедили дознавателей в своей лояльности, им дали какие-то справки и от-пустили домой. А добирайтесь – как сможете!

И пошли они, два брата, пешком по разрушенной послевоенной Европе. Сна-чала по Чехословакии, потом по Польше. Кормились тем, что удавалось найти в обезлюдевших хуторах и деревнях. Несли с собой матрас один на двоих, чтобы не на голой земле спать, да пистолет с патронами – в оружии тогда на полях Европы недостатка не было – какое только захочешь!

В июле подошли к польско-советской границе на Львовщине. А переходить сразу – страшно. Вдруг и вправду, как американцы предупреждали, сгребут – и в Сибирь, а то и расстреляют!

В каком-то селении продали матрас, пистолет зарыли в приметном месте. И пошли к пограничникам, навстречу судьбе! Их первым делом обыскали, раз-дев догола, деньги, от продажи матраса отобрали. После этого братьевотпра-вили в Дрогобыч и передали в соответствующие органы для проверки по ли-нии НКВД. Недели три их держали в камере, иногда вызывали на допросы. Камеры следственного изолятора были забиты до предела такими же бедола-гами.

Наконец проверка закончилась, и их обоих, как ещё не служивших в армии, отправили в распоряжение Львовского военкомата. Там медкомиссия обна-ружила у отца порок сердца, несовместимый со службой в строевых частях, и его направили в трудармию. Здесь пути двоюродных братьев разошлись: Ни-колая оформили служить, а отец приступил к работе в подсобном хозяйстве при штабе Прикарпатского военного округа, что размещалось возле села Винники в предместье Львова, асовсем рядом располагалось поповское поместье Гоначев, где в конце войны погиб в схватке с бандеровцами легендар-ный разведчик Николай Иванович Кузнецов.

Работал папа сначала на полевых работах в подсобном хозяйстве при штабе, а потом, тут же – экспедитором. Как экспедитор, ездил по окрестным деревням, заключал с жителями договоры на поставку продуктов, закупал и завозил их в подсобное хозяйство или в город.

А ведь это же были времена самого разбоя бандеровцев в тех местах. Львов – столица Западной Украины,

бывшая резиденция Степана Бандеры. Бандеровцы люто ненавидели Советов, русских – «москалив»! И к восточным украинцам у них отношение было такое же, если ещё не злобней: «Продались москалям!»

Каждую ночь в окрестных лесах, а то и в сёлах раздавалась стрельба. Можно представить, в какой смертельной опасности находился отец, ежедневно разъезжая из села в село по лесам Прикарпатья. Ведь он, в глазах местных жителей, у каждого из которых были родственники-бандеровцы, работал на «русских оккупантов».

Но Бог миловал, отец находил общий язык с селянами. А среди работников подсобного хозяйства появились новые друзья: чех Свобода, еврей Леках и другие парни, тоже хватившие лиха во время войны.

Вот тут-то и встретились мои родители, а вскоре и поженились в 1946 го-ду! Мама русская - коренная сибирячка, из рода казачества. Отец её пропал без вести в 1942-м, бабушка осталась с тремя детьми. Чтобы облегчить долю матери, старшая её дочь (наша мама) завербовалась на восстановление на-родного хозяйства после войны. Работала она в столовой подсобного хозяй-ства штаба Прикарпатского военного округа.

9 мая 1947 года в этом месте родился я, их первенец, названный Виктором – в честь Победы. Всё моё раннее детство в Западной Украине проходило среди военных. Бандеровцы орудовали под самым Львовом. Когда по ночам устен подсобного хозяйства начиналась стрельба, меня хватили и прятали под по-доконник – чтобы не зацепило шальной пулей, залетевшей в окно. Когда я научился ходить, уже сам стал прятаться при стрельбе под подоконник.

Кстати, разговаривал я, пока не приехали в Сибирь, по-украински: «Мамо, дывись, якиймячмэни дяди у городи куплялы!»

Как-то приехала к нам погостить с Алтая бабушка (мать мамы), наслушалась ночной стрельбы и не отстала, повезла дочь с внуком домой. Отца отпустили чуть позже, после отработки.

Беседа наша затянулась до вечера с перерывом на обед. Соседи по купе не тяготились ею: девушке с наушниками, всё равно - в ушах музыка, молодой человек оказался вахтовиком, не получилось купить плацкартный билет с товарищами, пропал в их вагоне.

Даже улегшись на ночной отдых, мы продолжали разговор. Я, правда, не сказала о роде своей деятельности, но уверила:

- Вы, рассказывайте, Виктор Петрович, мне это не просто интересно – нужно!

Сама я говорила мало, лишь редкие вопросы задавала. Уж такой я че-ловек – выслушать, вот, умею...

Попутчик же, то рассказывал о современной Германии и своих сомне-ниях, то возвращался памятью в историю рода, либо своего детства на про-сторах природы. Однако нить, логику разговора не терял, всё твердо удержи-вая в памяти.

По тону изложения я чутко уловила – скучает он там, ностальгия изму-чила, он вторил моим мыслям:

- Мне нравилась та жизнь на природе. Трудная она или нет – сравнить было не с чем, но лучше мне и не хотелось. Теперь вот только и живу той памятью детства. «Горек хлеб чужих земель»...

- Ахматова, - узнаю я.

- Анна Андреевна, - удовлетворён собеседник.

- Разве Вам нечем заняться на отдыхе? Разве нет любимого дела, хобби? – пытаюсь его ободрить. Вот Вы про книгу мою спрашивали, она, как раз об эмигрантах, которые состоялись на чужбине. Судьба весьма изобретательна и порой выдвигает «в люди» по своей прихоти. Были среди эмигрантов те, кто сумел добиться успеха. Не без русской выносливости и стойкости, конечно. А Ваш юмор, который не даёт пропасть в сложных ситуациях!

- Хобби? Есть, конечно есть! Я с раннего детства пристрастился к рисованию. Вот теперь реализовываю свои идеи: пишу картины маслом, сколько душе угодно. Только тема у меня почти всегда – малая родина. Нигде не встречал я таких трав, ягод, цветов, грибов, как в родных местах. Эх! – он надолго затих.

Видимо в это время я слегка задремала, путая явь и сон, слышала, как попутчик живописал дорогие сердцу места: «Как прекрасны наши леса! А в сенокос! Поле с поспевающей пшеницей в двести гектар. У меня перехватывало дыхание от этого вида. Далеко-далеко, на противоположном краю синее лес в утренней туманной дымке. Мы едем с отцом по полевой дорожке, а в пшенице бьют перепала: Фить-пирю! Фить-пирю! Восторг распирает мою грудь: так бы слушал и слушал, дышал и дышал полной грудью, ощущая себя бесконечной счастливой частичкой этого великолепного мира!»

Я всё-таки сдалась – сладко уснула под эту благостную картину, не слышала, как мой попутчик ещё долго вздыхал и крутился, не находил себе покоя.

Утром он опять был бодр и наш разговор продолжился. Благо в Омске вахтовик и девушка сошли с поезда, а в купе к нам никто не подсел.

Теперь он больше говорит о жизни в Германии:

- 24 февраля 2022 года. Гостим у сына в Праге. Узнаём: президент России объявляет специальную военную операцию (СВО) на Украине. В Харькове живут наши близкие родственники, похоронена моя бабушка и трое дядек. В летописи Харьковской епархии с 1668 года упоминается казачий полковник с нашей фамилией. Он оборонял южные рубежи Слободской Украины от набе-гов крымских татар и был в подчинении у белгородского воеводы в составе России. Верно служил царю Алексею Михайловичу Тишайшему (отцу Петра Первого), гонял воров и клятвопреступников Стеньки Разина.

По матери я русский, из чалдонов, тоже казаков, но сибирских. И вопроса за кого мне быть — не возникает. На Украине правят теперь враги России, уничтожающие даже память о русских! Мы в печали!

Эх, как я теперь понимаю и вспоминаю часто того казака Карася из оперы «Запорожец за Дунаем». А ещё

арию половецкого хана Кончака из оперы Александра Бородина «Князь Игорь»: «Хочешь, возьми коня любого! / Возь-ми любой шатёр!» Не моё здесь всё. И не надо мне никаких Канар, ни Карло-вых Вар. Чужд весь этот «просвещенный и цивилизованный» Запад. Там Рос-сия-матушка в войне... Одна отбивается от всего НАТО. А я здесь торчу. Рос-сия отбивается не только от НАТО, но и от всех этих извращенных европей-ских ценностей. Мужики в юбках и на каблуках! В страшном сне такое не приснится. ВОЗ признала третий пол! Даже когда жена иногда просит меня шорты надеть, я ни разу на это не согласился - не пристойно это потомствен-ному сибирскому казаку.

Вообще-то, путь на Родину не закрыт, у меня осталось российское граждан-ство. До этих событий мои сыновья по несколько раз в год ездили домой – в Россию. А я вот первый раз вырвался, пока ещё небо Турции для нас открыто: через Стамбул на Москву, теперь вот на поезде решил прокатиться - созерцаю родные просторы. Накопил денежек, еду поклониться родительским могилам, подправить их как следует. Придется ли ещё побывать...

Мой младший сын с семьёй уже в феврале засобирался на Родину и уехал в июле: «Там война, надо домой!».

На третьи сутки поезд наш приближался к конечной цели. На станциях в купе вселились пассажиры, наш разговор как-то угас сам-с собой. Виктор Петрович стал беспокойным, всё чаще подскакивал с места, всматривался в проплывающие за окном вагона пейзажи – явно уже узнавал родные места. Оставалась ещё одна ночь. Он вновь крутился, не в силах уснуть, я окликнула его:

- Виктор Петрович, расскажите ещё что-нибудь. Шёпотом, я услышу.

Тихим, проникновенным голосом он прочёл мне четверостишие:

Недаром сквозь страхи земные,

В уже безысходной тоске,

Я сильную руку России

Держу в своей слабой руке.

Не насмелилась я спросить, чьи они, тихо сопела в две дырочки, в общем-то отлично понимая его.

И опять меня предательски сморил сон. Утром, когда проснулась, Вик-тора Петровича уже не было в купе. Даже странно, ведь я так чутко сплю. Видимо, он загодя собрался в самую сильную фазу моего сна и вышел с ве-щами. Мне представилось, как он вглядывался в предрассветную тьму окна в тамбуре, с дрожью в коленях предвкушая момент, когда сойдёт на родную землю. Ещё с вечера спросила его:

- Есть ли Вам у кого остановиться?

Он улыбнулся:

- В деревне до сих пор помнят нашу семью добром, любой пустит. Я непри-хотливый, в любом уголке прикорну...

Убирая постель, обнаружила между подушкой и стенкой плотный файл на кнопке. Открыла, прочла: «Записки позднего переселенца». Он мне до-верил это! Мои глаза наполнились солёной влагой. В кармашке файла белый листок, сложенный пополам, развернула. Это записка мне. Почерк каллигра-фически выверенный, так пишут люди старой школы, учившиеся писать перьевой ручкой...

«Ирина, попутчица моя внимательная, обращаюсь к Вам, с почтением, с просьбой, употребить этот материал с пользой. Это, Ира, для тех, кто ещё хо-чет сюда переехать. Пусть не торопятся! Хлеб чужих земель действительно горек!

Да и Германия уже не та! Легла и смирилась под Америкой»...

Выдержки из дневника

11 мая 2020 года. Засел за натюрморт из букета цветов, растущих только в лесостепи нашей милой малой Родины. А возле букета размещу вазы с яго-дами клубники, костянки, чёрной смородины и тарелку с груздями. Хорошо бы ещё жаренных карасей и пельменей. А если ещё картошечку отварную рассыпчатую! Да хлеба нашего пшеничного! Боюсь места на холсте не хватит.

Этих даров природы я кроме наших мест не встречал нигде: ни на Сахалине, ни в Европе. Как поётся: «Немало я стран перевидел», и много каких делика-тесов там перепробовал, но лучшей ягодой считаю нашу лесную клубнику, лучшими грибами - грузди, а лучшей рыбой - карася! Ну, а лучшее блюдо - пельмени по-сибирски из трёх видов мяса в одном фарше: говядины, свинины и баранины. Правда, старики говорили, что лучший фарш для пельменей наши далёкие предки готовили, смешивая лосятину, медвежатину и мясо ко-сули. Вот не знаю, не довелось такое отведать.

24 августа 2020 года. Закончил натюрморт. Там в букете я нарисовал сибир-ские цветы: саранку обычную и огненную, водосбор, горицвет, ветреницу, купальницу. Ну, и другие: медуница, колокольчики, кукушкины слёзки и вездесущий тысячелистник. Красные ягодки в синей чашке — это костянка (костяника). Я её, кроме как в наших берёзовых лесах, больше нигде и не встречал.

Ещё добавил на стене берданку, рога косули и хвост тетерева-косача - то есть, те охотничьи реквизиты и трофеи, что окружали нас с детства. За эти реквизиты жена с невестками потребовали картину перерисовать, но, когда я пообещал добавить там удочку с карасями, а также лошадь и корову за окном - они дружно сплюнули и критику прекратили. И тогда я тихонечко пририсо-вал за тарелками с солёными огурцами, помидорами и груздочками стограм-мовый стаканчик с водочкой. А что? Своя рука — владыка!

17 августа 2022 года. Кроме естественной для любого человека ностальгии по прошлому, я пока никаких

беспокойств здесь в Германии не ощущаю, если не считать слабого знания языка. Однако, настораживает то, что в последнее время здешние бывшие переселенцы нередко возвращаются обратно в Россию. И даже во втором-третьем поколении, целыми семьями с маленькими детьми. Большинство из них плохопомнят СССР или совсем не помнят, некоторые уже не знают русского языка, но это их не останавливает. Почему?

Наш сосед, теперь в возрасте около 60 лет, переехал сюда с Алтайского края. Родину посещает в отпуске чуть ли не каждый год. Семья, машина, работает водителем городского автобуса. Дочь ходит в школу. Разговаривают и на немецком, и на русском языке. Дом — полная чаша. И вдруг однажды говорит с грустью: «Не та стала Германия, в какую мы приехали в 1995 году. После наплыва беженцев из Азии и Африки на улицах стало грязнее. Из-за них и уровень зарплаты, и пособий снижается. Страна была уважаемым, независимым государством, а теперь в подчинении у Америки. Не для меня здесь стало всё. А тут ещё и война на Украине, беженцы заполнили улицы, вокзалы, магазины. Ведут себя, как дома, по-хамски, не понимая, что находятся в стране с другой культурой. Кричат они по-русски, их мову-то вообще никто «нихтферштейн». А немцы, принимая их за россиян, и нас не уважают! Эх, если бы не кредитные долги, давно бы уехал на Родину!»

Другие, бежавшие из ФРГ, из Финляндии, объясняют своё возвращение тем, что боятся за будущее своих детей. В школах ввели уроки о праве человека изменить пол, об однополых браках и призывают детей не чураться этих извращений! Создали специальную, ювенальную полицию. Они, по навету учителей или даже соседей, предъявляют родителям обвинение в неправильном воспитании ребёнка, на глазах у них отбирают его навсегда без права на свидания, а потом отдают в бездетную семью. Может, даже живущую в однополном браке. И что из него вырастет?!

Россия сейчас отбивается не только от НАТО, но и от новых, извращённых европейских «ценностей», и граждане Германии всё больше и больше это понимают.

Десять дней назад СМИ вспомнили интервью Хиллари Клинтон шестилетней давности для корреспондента Рос Чайлдс, ведущей американского издания ABC News. Тогда Хиллари боролась за президентское кресло США. Она поделилась планами создания будущих Европейских Соединённых Штатов, куда войдут территории нескольких восточноевропейских государств: Польши, Венгрии, Румынии и стран Прибалтики.

Эта сенсационная новость бродит все последние дни по просторам Всемирной сети и, как ни странно, не кажется такой уж неправдоподобной.

На вопрос корреспондента о будущем страны, миссис Клинтон неожиданно ответила, что Соединённые Штаты не могут игнорировать значительное ухудшение геофизической обстановки в районе Йеллоустонского национального парка и разлома Сан-Андреас, грозящей катастрофическими последствиями для Северной Америки и ставящей под угрозу само её существование.

По словам Хиллари, необходимо более решительно и последовательно рассматривать вопрос о переносе американской государственности на европейскую территорию. Основным вариантом такого переселения должна рассматриваться территория Украины, климатические условия которой наиболее благоприятны для американских граждан.

По вопросу о будущем граждан указанных ей стран, Хиллари отметила, что этот вопрос не является первостепенным, так как исходя из существующей обстановки, жители указанных территорий будут счастливы стать гражданами новых Европейских Соединённых Штатов, однако такая возможность будет далеко не у всех и какую-то часть расселят по странам Ближнего Востока и Африки, так как это является, к сожалению, неизбежным процессом при геополитических изменениях, где сильные страны занимают жизненно необходимую им территорию слабых и бесперспективных государств, которые, как показывает история, прекращают своё дальнейшее существование.

Естественно, Европейские Соединённые Штаты в перспективе займут ту территорию, где государственность находится в коме, без надежды на выздоровление. На сегодняшний момент, это, без всякого сомнения, Украина, расположенная на значительной и экономически выгодной территории, которой украинские власти уже более четверти века не могут рационально управлять, где из года в год весь мир наблюдает только прогрессивно растущую государственную, социальную, демографическую и экономическую деградацию. Это же можно отнести и к странам прибалтийского региона. Надеюсь, что Европейские Соединённые Штаты сумеют достойно заменить эти недогосударственные недоразумения на европейской площадке — заявила Клинтон.

Моё мнение:

Даже если это фейк, то он очень похож на правду, в свете сегодняшних событий на Украине и вообще, в Европе. Здесь скрыта главная причина поведения США в Европейском регионе.

Записи в дневнике моего собеседника на этом заканчиваются.

Мне жаль, что я не смогла попрощаться с моим попутчиком. А моё мнение такое: у нас, русских, есть главная составляющая — чувство Родины, если оно перевесит на чаше весов «быть или не быть», он вернётся...

Евгений
ТАТАРНИКОВ

Ижевск

*О себе .**Евгений Татарников, 62 года.**Живу в г.Ижевск.**Закончил в 1982 году МВТУ
им.Баумана.**Работал на ПО "Ижмаш".**Закончил высшие курсы МВД СССР
и был на оперативной работе.**Подполковник милиции в
отставке.**Любимые писатели: Шукшин и
Гоголь.*

ДЕНЬ ДУРАКА

или забег памяти Михаила Самуэлевича Паниковского
(ироническое эссе к 1 апреля – ко дню юмора)

Москва, Лефортово. 1979 год 3 курс МВТУ им.Баумана

Третьекурсник Санька Михайлов лежал на кровати в своей комнате на 1-м этаже лефортовской общаги, окна которой выходили на другую такую же общагу-близнеца, принадлежащей уже Московскому энергетическому институту. В ней (общаге МЭИ) кроме русских, простите советских, была в 70-е годы такая сообщество людей, жили ещё и иностранные студенты со всех континентов планеты Земля. Ну, кроме, наверное, Австралии и Антарктиды. В его (Саньки Михайлова) открытую настежь форточку, а было уже 30 марта 1979 года, кроме запаха свежееисмечённого хлеба с хлебозавода, что был рядом с общагой, влетали ещё и противные запахи жареной селёдки. Её жарили вьетнамцы на маргарине в общаге-близнеце. Вонь была страшная. Но Саньку сейчас волновали не эти запахи, ни ДЗ по термеху, которое он должен сдать через два дня семинаристу Кудрину, а его волновала юморина - День Дурака, которая пройдет, как обычно, 1 апреля в Лефортово массовым забегом памяти Паниковского. Забег от ДК МЭИ до сквера Калинина, что рядом с метро Авиамоторная и обратно к ДК. Кто такой Паниковский? Нет, он никогда не учился ни в МВТУ, ни в МЭИ, и где вообще он учился, никому не известно. Это книжный персонаж Ильфа и Петрова из «Золотого тельца», это бывший слепой, самозванец и гусекрад.

Ну, и естественно главный приз этого забега - гусь. Гусь, конечно, живой и его Санек хотел выиграть. А бегал бегал он - будь здоров, особенно к закрытию винного отдела в гастрономе «Близнецы», что у метро Авиамоторная. Поскольку гастроном был и слева и справа, и в совершенно одинаковых флигелях, поэтому в народе он именовался «Близнецами».

Но устроители забега памяти Паниковского выдвинули одно жёсткое условие, надо бежать или в ластах для плавания, или на лыжах, можно на коньках, но никаких роликов. Санька плохо бегал на лыжах и их боялся, так как вырос в Волгоградской области, где зимы практически не бывает. Когда в Измайловском парке, мы сдавали нормы ГТО по лыжам, он умудрился там заблудиться среди 5-ти сосен, и мы два часа искали его всей группой. Но зато он хорошо плавал, так как родился на берегах Волги. Поэтому Санёк решил, что побежит за «призом-гусём» в ластах. А чтобы получить ещё и приз зрительских симпатий, он решил, что ласты наденет на валенки, которые ему подарил на день рождения Вадик Кусков. Это наш одноклассник из Перми. Мы ещё его дразнили: «Пермяк солёны уши, уехал в Солоуши».

Валенки были почти новые, Санёк их надевал всего два раза, когда были лютые морозы под минус 15 градусов. Вадик при такой температуре мог ходить по снегу босиком, как Порфирий Иванов. У Санька была только одна проблема, где найти ласты, он обежал всю общагу, но ласт ни у кого не было. Санёк долго не думал и лёжа на кровати прокричал: «Эврика» и побежал в овощной магазин, что на Энергетической улице, рядом с его общагой. Продавцы его уже здесь давно знали и ласково называли между собой - Шура Балаганов.

— Ну, что тебе Шура, как всегда «Солнцедарчика?».

Санёк сглотнул слюну, собрал в кулак, нет, не слюну, а остаток воли и тихо сказал:

— Нет, Фаина Михайловна, мне сегодня надо пустую картонную коробку из-под «Такая».

Фаина Михайловна сделала глаза, как будто ОБХСС у ней нашёл недостачу, и тихим голосом прошептала:

— А из-под «Каберне» тебе не подойдет?

И дала ему из – под «АгДама», так как была дамой ещё в соку, хотя и с персиковой мякотью.

И вот Санёк уже в своей комнате, как заправский портной орудует ножницами, отсекая от картона всё не нужное, делает себе ласты. В этот момент в комнату заходит его одноклассник со 2-го этажа Жорик Беркимбаев, в руках у него учебник по термеху Добронравова.

— Санёк, ты уже ДЗ по термеху сделал? Помоги мне решить вот эту задачку.

— Какую ещё задачку? Ты, Жорик знаешь, что такое гусь?

— Знаю, Санёк. Гусь это такая большая жирная птица, воды не боится.

— Ты, Жорик, знаешь, что такое шейка, ножка, крылышко! Ты знаешь, как я люблю гуся?!

— Знаю, Санька, но не видел.

— Да ты, Жорик, ничего не видел! Я убиваю его одним ударом, как тореодор, я его убиваю! - Вперед, вперед, вперед! - Это опера, когда я иду на гуся! «Кармен», ты понимаешь! - Вперед, вперед, вперед! - Послушай, Жорик, это фемина! Это опера! Ножка, шейка... шейка... крылышко! Жорик, ступай к себе в комнату, не до тебя мне сейчас, видишь, ласты делаю?

— Санёк, на кой ляд они тебе сдались? Где собрался в них нырять, не в Язуе случайно? Посмотри на дворе ещё март месяц. Окочуришься ведь от холода. Да и ласты твои из картона размокнут в воде и утянут тебя ко дну, к ракам. Там и «склеишь» свои ласты.

— Жорик, типун тебе на язык. Ступай уже к себе, а. Сам как – нибудь разберусь. Жо-рик-к, прошу нервных покинуть мою комнату!

— Забурел! Забурел, а! Забурел! Ты, Санёк. Не буду вас отвлекать. Это мешает вам правильно выделять желудочный сок, столь необходимый для здоровья, — сказал обиженный Жорик, и пошёл восвояси.

Санёк вырезал себе из картона ласты, они получились, как лапы у жабы из сказки. Вот блин название этой сказки забыл. И последний штрих к лапам. Санёк вынул из трусов резинку и приделал её к лапам. Потом достал из шкафа валенки самобранки. Тьфу, ты, хотел сказать самокатки. Правда, они уже сами тихонько стали браниться, так как их слегка покоцала моль.

Санёк надел валенки, на них - самодельные ласты и побежал по коридорам лефортовской общаги на тренировку. В коридоре все ему уступали дорогу и жались вдоль стенок, а одноклассники закрывали свои комнаты, чтобы Санёк случайно к ним не зарулил. Нет, в его руках не было ни какого руля, только одна лыжная палка, которая непонятным образом появилась в его руке. Санёк, надо сказать, прилично так бежал в этих лапах, мощно отталкиваясь еще и лыжной палкой от линолеума, делая в нём глубокие, рваные дыры. Через 15 минут за ним уже гналась комендант общежития Римма Дмитриевна, гневно матерясь на весь этаж:

— Ну, поймаю, тебя сучонка, вырву не только твою палку лыжную, но и другую тоже, что у тебя есть...

Ей кто-то уже настучал, что Шура Балаганов с 1-го этажа портит общажное имущество. Короче опять чудит, возможно, поймал уже «белку». Трусы на третьем этаже у Саньки всё-таки спали, так как новую резинку вдеть в них он забыл. Трусы спали, он запутался своими лапами-ногами в трусах и упал на 3-м этаже. И тут же был схвачен старшекурами, которые и отобрали у него эту злополучную палку, а потом посоветовали ему раскрасить ласты фломастером в красный цвет, чтоб было правдоподобней. Санёк фломастеров не нашёл и покрасил ласты марганцовкой, которой недавно промывал свой желудок, когда отравился «Солнцедаром». Ласты стали похожи на лапы гуся. Нет, не Пониковского, а на лапы гуся из гастронома «Близнецы», которого неделю морили голодом. На этом Санёк успокоился, и в общаге опять стало тихо и благостно спокойно.

На следующий день Санёк бежал в первых рядах «любителей гусятины» - забега памяти Паниковского, который стартовал от ДК МЭИ. Из его валенка выглядывал пучеглазый таракан Фролка и не дуrom орал:

— Санёк, обгоняй того «валенка», который справа от тебя в боксерских перчатках на ногах бежит.

Когда Санёк его обогнал, то почувствовал сильный удар по своей задней точке боксерской перчаткой. Удар был профессиональный и такой силы, что Санёк растянулся во весь рост на асфальте и был в нокдауне. Бегуны вырвались все вперед, Фролка выпал из валенка и не дуrom орал на всю лефортовскую округу:

— Ну, всё амба. Поели, Санёк, гусятинки, да!?

Санёк поднял голову и увидел перед собой магазин «Океан», что на ул.Авиамоторной. Он сбросил самодельные ласты, зашёл в магазин и купил хвост селедки. Через час в лефортовской общаге «гулял» стойкий вонючий запах жареной селедки. Рядом с Саньком сидел довольный Фролка и икал на всю комнату, он гладил свое пузо, и ласково шептал:

— Не переживай Санёк, селедка всё-таки вкуснее гуся.

А Санёк заботливо вытирал ему усы тетрадным листом, где было написано «ДЗ по термеху. Задача №1».

**Александра
ДЫМОВСКИХ**

Нижний Ингаш



Александре Дымовских 13 лет. Любит природу, животных, свой родной посёлок Нижний Ингаш, увлекается рисованием, сочинительством. Первая публикация Александры «Здравствуйте, это я!» была в журнале «Истоки», когда ей было 6 лет.

ДВЕ ПОДРУГИ

Предисловие

Рассказ, который я выношу на ваш суд, мои дорогие читатели, о настоящей дружбе двух девочек. Девочки, на первый взгляд, очень разные, они из разных семей, разного социального статуса, но они этого не замечают, и их искренней дружбе можно только позавидовать. А ещё этот рассказ о проблемах подростков и подросткового возраста, о проблемах взросления.

Многие взрослые считают, что такого возраста нет, он надуман. Да и проблем таких нет. Я же, находясь в этом «нежном» возрасте, с твёрдостью могу утверждать: «Он есть! Ещё как есть!» Поэтому этот рассказ будет особенно интересен и понятен ребятам моего возраста, моего подросткового возраста!

Прекрасное зимнее утро четверга шесть тридцать утра.

Тринадцатилетняя девочка Рига, проснувшись от назойливой музыки будильника, протирая свои слипающиеся карие глаза, медленно побрела на кухню, ожидая увидеть там отца со своими не очень смешными шутками про соседа и маму, которая уже должна была готовить дочке завтрак, но почему-то этим утром всё было не так. На кухне сидела и пила кофе мама, дожидаясь свой знак зодиака в утреннем гороскопе, который каждый день показывали по телевизору. Видимо, отец торопился на работу и уже уехал, чтобы меньше простоять в пробке. Девочка тихо поздоровалась с матерью. Женщина посмотрела на Риту, и в её глазах как будто что-то засияло, такое тёплое и доброе. Так Ирина Фёдоровна (мама Риты) смотрела только на свою дочь. Она сразу же встала, крепко обняла Ригу и поцеловала её в лоб.

- С добрым утром, моя хорошая! Как спалось? Готова к сегодняшнему дню? Девочка не очень любила заботу со стороны родителей, она воспринимала их как

простых взрослых, живущих с ней в одной квартире.

-Да, мам. Завтрак готов?

Наконец освободив дочь из крепких объятий, Ирина протянула Рите контейнер, в котором лежали бутерброды и записка с пожеланиями на хороший день и кривым сердечком. Не обратив на это внимание, Рита поблагодарила мать и пошла собираться в школу.

Ирина Фёдоровна понимала Ригу, ведь они с мужем почти не бывают дома, потому что ведут хороший бизнес и пытаются его сохранить. Ещё с раннего детства девочке «платили» игрушками за недостаток внимания, но, к счастью, не избаловали.

Вздохнув, женщина выключила телевизор и пошла собираться на работу.

Вся семья разошлась. Вот Рита уже стоит в раздевалке и стягивает с себя длинный красный шарф. Вдруг девочку кто-то схватил за руку, она вскрикнула и повернулась, чтобы ударить хулигана, но это оказалась её подруга и одноклассница Лиза.

- Лизка, блиииин!

- И тебе с добрым утром, Марго! - ответила черноволосая девочка, приобняв свою подругу. - Как дела? Как спала?

- Спала-то нормально, но мама меня очень бесит. Вечно лезет

со своими обнимашками и любовью..

- Мне бы так..

У Лизы была не очень хорошая семья. Родители спились после того, как её старший брат утонул. Зато бабушка у Лизы была хорошая, заботливая, да только виделась она с внучкой раз в месяц, это если у родителей вымолить.

Девочки побеседовали и пошли на урок.

Первым занятием был классный час. Сегодня седьмой «А» ожидала хорошая новость. Прозвенел звонок, учительница Анна Сергеевна успокоила класс и начала свою речь в радостной манере:

-Дорогие дети! У нас появилась прекрасная, даже ПРЕРеприятная возможность! Так как наш класс самый активный в школе, директор решила, что нам всем нужно отдохнуть и набраться сил... в поездке в Геленджик!

Все дети засмеялись. После этого посыпалась куча вопросов про поездку и про учёбу. Рита и Лиза обрадовались тому, что смогут съездить вместе куда-нибудь ещё, кроме местного торгового центра. Весь день ученики обсуждали эту новость. После окончания уроков девочки от радости обнялись и пошли по домам.

Рита зашла домой. На удивление, дверь была открыта. Девочка разулась и прошла в гостиную, там она увидела Ирину Фёдоровну, сидящую на диване и читающую книгу. Женщина подняла глаза и увидела дочь. Радости не было предела. Ирина крепко обняла дочь и начала расспрашивать про учёбу, про Лизу (Ирина знала про положение подруги дочери, но всё равно очень любила эту девочку), про обед в столовой и даже про температуру в школе, ей просто хотелось услышать хотя бы слово от своей родной дочки.

- Всё нормально, мам. Нам сообщили, что мы всем классом летим в Геленджик, это такой «подарок» за активность класса.

- Господи, какие же вы уже взрослые! - женщина поцеловала девочку в щеку?- ну что, уже знаешь, в чём поедешь? Я могу помочь с выбором одежды!

- Мам, не нужно. Знаю я ваши вкусы и предпочтения, мне легче будет самой, спасибо. И кстати, что ты вообще дома делаешь?

- Ах, это.. Просто взяла отгул, хотела провести день с любимой дочерью, видимо, не судьба.. *

Женщина «грустно» улыбнулась и продолжила читать. Рита вздохнула и пошла собирать вещи. Поездка намечалась в субботу. Пока девочка собирала вещи, ей позвонила подруга Лиза и предложила собираться вместе. Девочки переключились на видеосвязь и, болтая о том и о сём, быстро собрали вещи. У Лизы в доме была маленькая комната, всего лишь полтора на полтора метра. Там девочка закрывалась от родителей и беседовала с Марго. В комнате стоял стул, и на него Лиза ставила телефон, а сама стояла, чтобы её было лучше видно. Пока девочки болтали, пьяные родители Лизы начали спорить и ругаться. Подруге Риты было очень неловко в такие моменты, но она всё равно продолжала звонок. Вдруг в дверь комнаты, в которой находилась Лиза, начинают ломиться. Ручка быстро дёргалась, а девочка уже начинала нервничать. Девочки пытались не обращать на это внимания, но тут раздался громкий крик, и после этого крика последовал кашель и жуткое кряхтение. Лиза прикрыла лицо руками. Ей было очень страшно открывать дверь, ей было страшно узнавать, что сейчас происходит за стенкой.. Но тут дверь выламывается и падает на пол, за ней - пьяные родители. Отец Лизы душил её мать. Девочка пыталась разнять их, но попытки были напрасны. Лиза разревелась и стала умолять папу отпустить маму, но он не слушался, алкоголь взял над ним верх. Лиза схватила телефон и убежала куда-то, сбросив трубку.

Всю ночь Рита не могла уснуть. Она кучу раз писала Лизе и спрашивала про её самочувствие и местоположение, что с родителями и что в принципе с ней, но подруга не отвечала. На следующее утро Марго не было дома уже в семь утра. Она поскорее бежала в школу, чтобы увидеть Лизу, чтобы крепко её обнять и сказать: «Лизка, какая же ты дура!-и никогда, никогда её больше не отпускать..

Марго уже стояла в раздевалке и стягивала с себя длинный красный шарф. Вдруг её легонько дёрнули за руку. В надежде на то, что это не хулиган, а Лиза, девочка, уже распахнув руки, готовилась обнять подругу. Марго повернулась и никого не увидела. Всё же это были хулиганы. Слёзы появились на лице Риты, она уже была готова упасть на колени, как вдруг ей протянули платок.

- Ну же, Марго, чего нюни распустила? Смотри, как стрелки ровно нарисовала, размажешь же!

Рита подняла голову и увидела Лизу. Рита как назло действительно размазала стрелки и чуть ли не вцепилась в подругу. Лиза похлопала её по спине:

- Ты чего? На нас все смотрят..

- Да плевать мне! Лизка, какая же ты дурочка у меня..

Тут Рита не смогла сдержать слёз и заплакала Лизе в плечо, приговаривая: «Мне главное, чтобы ты здорова

была! Я же тебя так люблю., так люблю, Лизка!» Девочки простояли так ещё минут десять и пошли на урок. Оказалось, что Лиза сбежала к своей бабушке, и в Геленджик она всё же полетит. Учебный день прошёл быстро.

Вот и наступила долгожданная суббота.

Все ученики с Анной Сергеевной встретились в аэропорту. Билеты заказали заранее. До взлёта оставалось два с половиной часа. Кто-то просто сидел и ждал, кто-то рассматривал витрины магазинчиков.

Рита с Лизой просто разговаривали о полётах на самолёте. Рите удавалось часто летать, например, к родственникам или в отпуск с родителями, а у Лизы первый полёт будет как раз в Геленджик.

Время быстро пролетело, вот и посадка. Всех детей усадили, к счастью, Лиза с Ритой сидели вместе. Была лёгкая метель, но перелёт решили не переносить. Бортпроводники объяснили правила безопасности во время несчастных случаев. ® Девочки взялись за руки. Самолёт набрал разгон. Взлёт. Всё прошло хорошо. Салон самолёта плавно покачивался из стороны в сторону. Глаза так и закрывались, хотелось спать.

Но вдруг подруги заметили, что что-то влетело в крыло. Крыло зашаталось. Самолёт начал снижаться... Сначала была мёртвая тишина. Потом люди стали что-то говорить. Их разговоры были всё громче и громче. Потом они перешли в крик, жуткий, истошный крик.

Девочки посмотрели друг на друга. Неужели это их последние минуты? Ни Рита, ни Лиза не плакали. Они только смотрели друг на друга, они всё поняли и поддерживали взглядом. Они улыбались, чтобы не расстраиваться и старались сдерживать себя до последнего. Любовь дарила им капельку счастья в эту страшную минуту. Их крепкая дружба была крепкой до конца. Казалось, девочки даже не дышали, они просто с благодарностью смотрели друг на друга и уже готовы были совершить свой вечный полёт.

Неожиданно кто-то тронул их за плечи. Подружки враз проснулись и поняли, что они уснули и им снился один и тот же сон.

- Девочки, простите, что разбудила, но вы будете есть? Что предпочитаете? - спросила стюардесса, виноватым голосом.

Рита и Лиза были так рады пробуждению и совсем не сердились на стюардессу. Как здорово жить, дружить и путешествовать вместе с любимой подругой. А впереди ещё так много интересного!



Яна ЛАРИОНОВА

Нижний Ингаш



Яна Ларионова, 12 лет, ученица 6 класса Нижнеингашской школы №2. В 2023 году участвовала в литературном конкурсе «Проба пера» и стала обладателем специального приза от редакции газеты «Победа»

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА

(фантастический рассказ)

Это был обычный день в маленьком унылом городке. Уставшие и серьезные, взрослые быстро шли с работы и желали поскорее увидеть родных, которые ждут их в своих обшарпанных многоэтажках. С толпой серых взрослых не сливался лишь мужчина в ярко-оранжевом пальто. Он куда-то спешил, расталкивая людей.

Две дамы стояли в стороне, курили толстые сигареты и не в самом хорошем свете обсуждали этого товарища.

Женщина Светлана вернулась домой с работы. Она работала кассиром в ларьке недалеко от сорок пятой школы. Заметила, что сын уснул перед включенным телевизором. Мультфильм закончился, и парень «подружился с подушкой». Света подошла, чтобы выключить телевизор, но в новостях говорили о пропаже очередного мальчика, девятилетнего Вити Баранкина.

Света удивилась, она хорошо знала Витю, этот добрый мальчишка часто забегал в ларёк на перемене и рассказывал забавные истории из жизни. Друзей у него было немного, дети говорили, что он странный и почти ни с кем не разговаривает. То, как спокойно люди из телевизора говорили о пропаже ребёнка, раздражало Светлану.

Наутро в новостях все также говорили о Вите. Выяснилось, что он пропал по дороге в музыкальную школу.

Первым подозреваемым в пропаже мальчика стал художник Лаврентий. Мужчина когда-то работал в музыкальной школе. Уйдя на пенсию, начал рисовать странные картины, на которых происходит полная неразбериха, но мужчина утверждал, что там изображено очень важное событие. Вите нравилось проводить время в гостях у доброго старика, который часто рассказывал армейские байки и другие истории из своей жизни. Они были очень близки, и Витя говорил, что этот чудак для него как родной дедушка. Художник всегда говорил, что занятие любимым делом продлевает жизнь, а у людей в городе нет фантазии, они слишком серьёзны для того, чтобы увидеть то, что изображено на его картинах. Мальчику понравилась эта мысль. Витя хотел, чтобы у каждого человека было хорошее воображение.

Вторым подозреваемым стал четырнадцатилетний мальчик Костя из школы, в которой учился Витя. Костя часто издевался над младшеклассниками, закрывал их в кабинетах, отбирал булочки, купленные ими на перемене в ларьке недалеко от школы. Особенно часто он задирали Витю, так Костя смешил друзей и заставлял детей себя бояться.

Витя был худощавым, невысокого роста, ходил в толстых круглых очках. Для Кости это являлось поводом для насмешек и избиений.

В последний раз Костя сказал Вите, что если после школы его не будет в назначенном месте, то ему не поздоровится. Витя так и не пришёл, ведь опаздывал в музыкальную школу. Уроки там были для него очень важны. Витя мечтал когда-то стать знаменитым пианистом.

Он подумал, что мечта для него важнее здоровья и репутации, так что отправился в музыкальную школу, по пути в которую и пропал.

В список подозреваемых также попала бабушка Ольга Ивановна, живущая по соседству с Витей. Взрослые описывали её как доброжелательную и порядочную женщину, а маленькие дети, играющие под её окном, говорили, что это очень злая бабушка, которая точно способна на что-то ужасное по отношению к людям, ведь старушка всегда ругалась, когда они шумели. Среди детей ходили легенды о том, что бабушка проглотила их друга, и поэтому она такая полная.

Обычный вечер. Ольга Ивановна сидела в кресле, укрывшись теплым пледом, слушала радио и вязала рукавички для внуков из Новосибирска, которые на днях обещали приехать.

Обычный вечер. Коля играл в приставку и через стенку слушал крики родителей, они вновь обсуждали развод. Его это совсем не задевало. Мальчик привык, что взрослые выясняют отношения по вечерам. Привык к тому, что на его мнение и проблемы всем всё равно, и даже не пытался разговаривать с родителями на тему их ссор и своих проблем.

А вот для художника Лаврентия, ранее упомянутом как человек в оранжевом пальто, это был совсем необычный вечер. Он лежал и грустно смотрел в потолок, ведь теперь он одинок, теперь единственный понимающий его человек пропал. Лаврентий думал о том, как сейчас страшно Вите, на глазах выступали слезы, он ведь совсем маленький, вдали от семьи и, наверняка, совсем один.

Костя все думал о том, как будет извиняться перед Витей, когда его найдут. Думал о том, каким его будут считать хорошим, когда он будет защищать Витю, идя с ним по коридору школы, Хулиган хотел поменяться. Хотел, чтобы та красивая девочка Маша из параллели обратила на него внимание, он уже давно хотел ей понравиться, но лишь недавно понял, что ей нравятся добрые мальчишки. Ему не было стыдно за то, что он издевался над Витей и другими детьми. Его не мучила совесть. Он лишь хотел, чтобы на него обратила внимание Маша.

Ольга Ивановна накрывала стол для внуков. Их приезд был для неё как праздник. Радости не было предела, когда дети вошли в квартиру. Всю неделю Ольга Ивановна проводила в внуками. Старушке было жаль Витю, она знала, что обвинения на неё повесили несправедливо и полиция далека от правды.

Лаврентий ни на секунду не переставал думать об исчезновении Вити, его раздражало то, что полиция обвиняет ни в чем неповинных людей, а не ищет истинную причину пропажи мальчика. Художник посвящал Вите картины и надеялся, что все же произойдет чудо.

Но никто не знал, что в городе были существа, которые много лет величественно ходили вокруг города, сносили здания и смеялись над поведением жителей, знали, что чуда не произойдет. Существа, владеющие городом, постепенно превращают жизнь жителей в сплошные страдания.

Лаврентий не мог принять то, что больше не увидит Витю, он был единственным родным для него родным человеком, единственным, кто воспринимал его искусство всерьёз.

Костя с возрастом начал понимать, как чувствовал себя Витя, и что, возможно, он был виноват в его пропаже. Эти мысли не давали ему покоя.

Ольга Ивановна понимала, что ни в чем не виновата, и спокойно переехала из города спустя 5 лет после пропажи мальчика.

Существа, управляющие городом, все также забирали жителей городка, в основном это были дети, за них больше всего переживали. Это нравилось жестоким незнакомцам. Они питаются страхом и переживаниями жителей города. Когда кто-то из близких пропадает, люди чувствуют вину, страх, переживания. Это все на руку монстрам.

Самым храбрым из пропавших детей стал двенадцатилетний мальчик Слава Букетов. Он был обладателем голубых глаз и белоснежных волос. У него было много друзей, мальчик был гордостью семьи, хорошо учился в школе, любил смотреть криминальные сериалы и читать книги. Шестого октября рано утром он пошёл выкидывать мусор, но назад так и не вернулся.

„Последнее, что я помнил, это то, как лечу над городом, я кричал, но люди меня не видели и не слышали! Я думал, что такое бывает только в книжках!“ – рассказывал Слава другим пропавшим детям. Конечно, они знали, что с ним произошло, ведь сами это испытали когда-то. Место, в котором они находились, было неудобным

и холодным. Огромная комната с игрушками, канцелярией, музыкальными инструментами, футбольными мячами, со всем, чем увлекаются дети. Но здесь не было главного - близких людей и домашнего уюта.

Спустя несколько дней, проведенных в заточении, детей отправляли на одно из самых радостных мероприятий - прогулку. Огромный сад летал над городом и был накрыт прозрачным куполом. В саду росло множество деревьев, под которыми девочки устраивали чаепития с игрушками. Мальчишки играли в футбол на небольшой поляне.

А те, кто недавно прибыл туда, подбегали к краю и свысока смотрели на город, плакали, кричали в надежде, что их кто-нибудь услышит и вернёт домой.

В распоряжение детей входила библиотека. Мало, кто ходил туда, ребятам больше нравилось проводить время друг с другом и играть в различные игры, но Слава любил читать, это отвлекало от плохих мыслей и успокаивало его. Слава часто приходил в библиотеку с Витей. Этот странный мальчик нравился ему, он мог рассказать что-то интересное. На самой высокой полке он заметил толстую книгу, в которой говорилось о мире, где на тот момент и находились мальчишки.

В книге сказано, что существа, которые похищают детей, называются арподастрами. Они питаются страхом и переживаниями наших близких. Витя старался как можно тише говорить, ведь за все время, проведенное здесь, его не покидало чувство, будто за ними наблюдают.

„Посмотри, написано ли там о том, как выбраться отсюда, я пока поищу ещё книги об этом месте,»—шепотом сказал Слава.

— Страница вырвана!

— Витя, потише!

На следующее утро Витя и Слава расспрашивали ребят о вырванных страницах. Никто ничего не знал. Те, кто находился там больше тридцати лет и знал это место как свои пять пальцев, сказали, что в первый раз видят эту книгу.

Весь следующий день мальчишки проводили в библиотеке, они искали больше информации о том, как выбраться отсюда.

Арподастры всё же наблюдали за ребятами. Контролировали, чтобы никто не узнал ничего лишнего, ведь так у детей будет шанс сбежать. Но за Витей и Славой не уследили. Ребята знали слишком много. Мальчишки приостановили поиски и присели отдохнуть. Все так же шепотом обсуждали, что будут делать, если арподастры придут за ними.

— Слава, сзади!

Витя увидел, как позади друга открывается портал, из портала появилась огромная рука, которая тянулась к ним.

Через мгновение они летели по длинному коридору, кричали, переворачивались и пытались схватиться за руки. Их вынесло в комнату с высокими потолками и огромной дверью, из которой вышло два арподастра. Мальчишки были в ужасе, никто не ожидал, что они будут настолько устрашающими.

Огромное существо склонилось над детьми и грубым хриплым голосом сказало: „Здесь есть все. Общение, еда, игры. Зачем совать свой нос туда, куда не следует? Вы ответите за это!“

Витя был напуган, а Слава заметил, что та огромная дверь была приоткрыта. Схватив друга за руки, он бросился бежать.

Не оборачиваясь, мальчишки выбежали в коридор, спустя множество поворотов они смогли оторваться от монстров.

В поисках выхода, Витя увидел разноцветную дверь с символами на непонятном языке, мальчишки вошли в неё. На столе лежал небольшой черный камень. Ребята точно знали, что этот камень— ключ к уничтожению арподастров. Но нужно найти ещё три камня и соединить их. Они прочитали об этом в той огромной книге.

Ребята решили найти все камни, чтобы покончить с монстрами. Для этого им нужно было собрать на помощь других детей.

Света Кордова и Люда Морозова поверили в рассказ мальчишек и согласились помочь им. Слава и Витя запомнили, где находился выход из логова арподастров и разработали план, как попадут в туда и как сбегут.

Попасть туда было сложно, пришлось притвориться, будто в библиотеке мальчишки опять обсуждают книгу. Когда портал начал открываться, все взялись за руки и через него очутились в логове монстров. Все дети

бегали по комнатам и искал камни. Когда все встретились в коридоре, выяснилось, что последний фиолетовый камень не был найден.

Послышались шаги монстра, и все побежали к выходу, но вдали Света заметила дверь, в которую ещё никто не заглядывал. Приоткрыв её, Света заметила тот заветный камень, он оказался значительно больше предыдущих. Девочка позвала друзей, и все вместе понесли камень к выходу. Выйдя из логова монстров, они сложили камни.

О чудо, арпадастры стали на глазах лопаться, как мыльные пузыри. Таким образом, они исчезли все.

Тысячи детей летели над ясным городом, который сопровождала радуга. Наутро никто не помнил ужасные дни, проведённые вдали от семьи.

Родители были рады тому, что дети вернулись.

Победив зло, ребята подарили городу и его жителям счастье и улыбки.



ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ «ЛИТКУЛЬТПРИВЕТА!»

...мера жизни - жизнерадостность: хотя она даётся на противопоставление феноменов, столь привычных, увиденных поэтом настолько по-своему, что стихотворение вибрирует солнечным светом:

Если я поел от пуза,
Значит, выдался денек.
Если прилетела муза,
Значит, я не одинок.

Если брезжит свет во мраке,
Значит, не всеильна смерть.
Если не убили в драке,
Значит, можно песню спеть.

Е. Степанов точно дозирует объёмы метафизики, проводимой, как правило, через конкретику яви – с юмористическим процентом, необходимым противовесом мрачности; и жизнь, многообразно изученная поэтом, раскрывается различными цветами его стихов.

...как интересно: философски – вспыхивает созвучие «теперь-терпеть»: как добывает поэт алхимические смыслы из возможностей рифмы:

Теперь — терпеть — ты виноват.
И штангу глаз не поднимаешь.
Что понимаешь в пятьдесят/шестьдесят?
А ничего не понимаешь.

Но знаешь — зло рождает зло.
Но признаёшь — по всем приметам —
Важней не ч т о произошло
С тобой — а ч т о — терпеть! — об этом.

И вывод, который делает «путник», не может не поразить своею справедливостью:

Знает ли кто
-нибудь, что там?
Что там еще впереди,
За непростым поворотом,
За серединой пути?

То ли тропинка прямая,
То ли кромешная гать?
...Жить, мал малешенько зная,
Лучше, чем многое знать.

Весенний номер «Литкультпривета!» открывается многонасыщенной поэзией Е. Степанова.

...противоположности жизненных огней ярко играют в поэзии С. Прохорова, и афористичность жизненных выводов заставляет сопоставлять опыт, предлагаемый поэтом с тем, что наработал читатель за свои годы:

Друзья уходят и подруги —
Закономерность бытия.
Всё возвращается на круги,
На круги, собственно, своя.
А в жизни жертвуем мы многим,
Нет снисхожденья у судьбы.
Как важно быть не одиноким,
Как грустно одиноким быть.

Бездны бытия, как известно, предлагают всякое: но – что бы ни предлагали они, в поэзии Прохорова ликует много молодого задора, и жизнерадостность шампанского пронизывает её вечной верой в свет.

Радоваться, дуться ли,
Что творит перо?
Методом дедукции
Отыщу добро.
Выложу по зёрнышку
Нужные слова,
Чтобы ближе к солнышку
Сочная трава.

Солнышко становится ближе от световых вертикалей Прохорова.
...веточками мудрости протянется к сердцу краткий верлибр Н. Ерёмкина:

Как давно
Я не плакал от счастья
Безымянной взаимной любви!

Хотя для поэта характернее рифма, регулярный рифмованный стих, но афористичность верлибра –придаёт дополнительное обаяние подборке.

И мечты поэта, выраженные и воплощённые компактно, вспыхивают солнечно:

Я хотел бы солнечной весной
Встретиться с Реликтовой сосною...
Спрятаться в её мирских ветвях
Над морской приветливой волною...
И – лететь и плыть, увы и ах,
Вместе с облаками в облаках...
И хотел бы – сонно-невесом –
Чтобы вечно длился этот сон...

Лететь и плыть – какое богатство действий! Особенно – если учесть, что имеются в виду запредельные сферы, с которыми- такая далёкая от жизни – вечно работает поэзия...

Такая далёкая, такая близкая ей...

...снег, трактованный, как персонаж бытия, участвующий... даже и разделительно в яви, интересно вспыхивает в стихотворение А. Богданова:

Снег идёт, оканчивая повесть
Той зимы, где трудная пора

Разделяла на позор и совесть
Общества – большое и двора.

И страницы смятые за кончик
Ветер перелистывал без нас:
Грусть и радость, глуше или бойче,
В самый верный и тревожный час.

...стих Богданова вибрирует различными вариантами восприятия пространства: то по-детски, то скорбно, учитывая события настоящего времени; и – всегда мелодии исполняются на тугих струнах искренности...

Таково поэтическое наполнение нового номера журнала, и его световая составляющая велика, что не позволит мрачности овладеть совершенно душою.

Александр БАЛТИН



С вербным воскресеньем. Худ. Олеся Кищенко